

Берендей

Автор:

Ольга Денисова

Берендей

Ольга Леонардовна Денисова

Медведи-оборотни и сейчас называют себя берендеями. Берендей по имени Егор слишком молод и только становится на ноги, когда на его территорию приходит огромный медведь-людоед. Но для берендея убить медведя – все равно что убить брата...

Берендей

Страшная сказка про любовь и охоту на медведей

Ольга Леонардовна Денисова

© Ольга Леонардовна Денисова, 2015

© Ольга Леонардовна Денисова, дизайн обложки, 2015

Редактор Елена Владимировна Липлавская

Корректор Елена Владимировна Липлавская

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Берендей бежал через заснеженный лес и чувствовал сзади тяжелое дыхание погони. У него совсем не оставалось сил, он проваливался в глубокий снег, спотыкался, падал, поднимался и снова бежал, петляя между деревьями. Во всяком случае, ему казалось, что он бежит; на самом деле он медленно продвигался вперед, шатаясь и еле передвигая ноги. Каждый раз, падая, он думал, что не сможет подняться, но поднимался, не позволяя себе сделать и лишнего вдоха, такого необходимого, спасительного вдоха...

Ему было страшно.

За свои двадцать два года он никогда так не боялся. С ним случалось всякое, но ни разу в жизни он не потерял самообладания настолько, чтобы бежать от опасности, не разбирая дороги. Даже толком не разобравшись, что ему угрожает. А уж тем более в собственном лесу.

Он не просто считал себя хозяином леса – он им был. Никто не мог угрожать ему здесь – ни зверь, ни человек.

Он вышел из дома тридцать первого декабря, примерно в девять вечера, не намечая никаких дел: хотел прогуляться по лесу. Вечер стоял чудесный – ясный и несильно морозный, всего градусов восемь. Берендей любил новогоднюю ночь. Когда был жив отец, они несколько раз встречали Новый год прямо в лесу. Вот и сейчас он вышел из дома для того, чтобы побродить в одиночестве и вспомнить отца. Верный пес Черныш сутки как ушел то ли на охоту в лес, то ли по любовным собачьим делам в поселок. Он частенько уходил из дома, но тут это оказалось совсем некстати.

А часам к одиннадцати Берендей собирался поехать к Михалычу, старому охотнику и другу отца. Он купил ему в подарок перфоратор, о котором мечтал старик, и предвкушал, как Михалыч обрадуется, начнет шутить и потирать руки. И его жене, Лидии Петровне, тоже понравится пуховый платок, огромный, как плед. Накинув его на плечи, она сядет на диван перед телевизором... Берендей представил это и улыбнулся.

И вот поди ж ты!

Он не понимал, кто его преследует, не смел оглянуться, не тратил время на раздумья – просто бежал.

Что это было? Неясный шум, неясная тень... Пошел бы с ним Черныш – он бы разобрался. И предупредил.

Берендей почувствовал нечто чужое и страшное задолго до того, как смог бы его увидеть. И ужас наполнил его до краев: он понял, что Оно пришло за ним, за его жизнью, Оно пришло, чтобы стать хозяином в его лесу. Звериный инстинкт – любой ценой сохранить жизнь, – больше ничего не осталось. Ничего человеческого. Кроме обличья.

Вместо того чтобы бежать к дому, где можно спрятаться, спастись, запереть двери, Берендей рванул в противоположную сторону. Иногда ему казалось, что опасность не сзади, а где-то сбоку, и он резко сворачивал в сторону. Страх придавал ему сил. Он мог идти по снегу много километров, но идти и бежать – разные вещи. Как бы он ни был вынослив, силы оставляли его. Сколько времени прошло? Час? Два? Пять? Ему казалось, что уже должно наступить утро.

Впереди показался свет: поселок Белицы, на противоположном от дома краю леса. Берендей прикинул – он пробежал не меньше десятка километров. Свет – это жильё. Спасение? Или наоборот? Отпугнет его преследователя запах дыма, как он пугает зверей? Или привлечет, как привлекает человека?

Он споткнулся об упавшее дерево, лежащее под снегом, и, падая, напоролся ребрами на торчащий вверх сук. Это стало последней каплей – на этот раз он не стал подниматься. Так и остался лежать в снегу, шумно втягивая в легкие воздух, съежившись от боли и от ужаса зажмурив глаза.

Впереди слышались выстрелы, но не хотелось задумываться, что они означают. Берендей ждал смерти, но смерть не наступала. Вот и боль отпустила, и дыхание восстановилось – а смерти не было. А потом, через несколько минут, он явственно ощутил холод. На бегу ему было так жарко, что пот заливал глаза: ватник он скинул еще в начале пути и остался в свитере и джинсах. Теперь свитер на спине вымок от пота и не держал тепла.

Стуча зубами от холода, Берендей понял, что страх уходит. Шагах в ста впереди него слышались людские голоса, смех и крики... Чавкающий звук мотора,

который завели на морозе, – значит, сюда можно подъехать на машине. Он приоткрыл один глаз и увидел небо, расцвеченное яркими огнями. Это сперва показалось ему наваждением, и он открыл второй глаз, протерев его обледеневшим рукавом.

Никакого наваждения не было – просто салют. И человек десять или двенадцать невдалеке бурно радовались каждому его залпу. Страх пропал совсем, как будто его и не было. Тридцать первое декабря! Они празднуют Новый год.

Он выбрался из сугроба, пощупал колено, ноющий бок и решил, что все в порядке.

Это были молодые ребята, даже моложе его: в меру пьяные, веселые, озорные и, похоже, вполне гостеприимные. Берендей подошел к ним с намерением познакомиться и попроситься в их компанию на ночлег. Но они его не заметили. Верней, не заметили, что он подошел к ним со стороны. Кто-то хлопнул его по плечу и выкрикнул:

– Отличный салют! Чего ты куksiшься? С Новым годом!

– С Новым годом! – заорала вся компания хором, и Берендей не заметил, как оказался одним из них. Кто-то положил руку ему на плечи, и он тоже обнял кого-то, сам собой образовался круг, кричащий, брызжущий радостью во все стороны, танцующий и невнятно поющий.

И тут Берендей увидел ее... Она стояла напротив и хохотала. меховая шапочка сползла ей на затылок, темные вьющиеся волосы рассыпались по плечам. Щеки пылали морозным румянцем, и от этого очарование ее юности делалось еще более чувственным.

Ничего особенного в ней не было. Наверное. Ну, разве что синие глаза, большие и яркие. И брови вразлет, как крылья птицы, – прямые и резко прочерченные. Носик пуговкой, маленькие и пухлые губы, круглый, нежный, плавный подбородок. Ему показалось, что вся она состоит из плавных линий, которые прячутся под одеждой, – круглые колени, мягкая линия плеч. И в то же время в ней было что-то неуловимо земное, естественное, непосредственное.

Она казалась совсем маленькой рядом с двумя здоровыми парнями, обнимавшими ее с обеих сторон, и беззащитной. Только и всего. Смеющейся, румяной и беззащитной в своей юности и безмятежности. И он понял, что так просто отсюда не уйдет.

Юлька проснулась, когда за окном давно стемнело. И проснулась с ощущением того, что праздник кончился. Она не любила первое января – когда волшебная ночь осталась позади, а чуда так и не произошло.

В доме было тихо. И темно. Из окон в комнаты падали синие отсветы далеких уличных фонарей – такой неживой, но чарующий синий свет наполняет дом только зимними ночами, когда земля покрыта снегом.

Елка, стоявшая в углу гостиной, тоже отражала этот синий свет. В новогоднюю ночь она светилась разноцветными огоньками, а теперь подрагивающие от малейшего шевеления воздуха игрушки и гирлянды искрились, как снежинки в лесу. И было в темноте и синем свете нечто печальное и притягательное. Юлька с сожалением оглядела темную гостиную, вышла на кухню и включила свет.

Конечно, она уже вставала сегодня один раз. Даже прошла по дому. Даже попрощалась с теми, кто уезжал. Но похмелье оказалось столь невыносимым, что ей пришлось лечь в постель снова. Новогодняя ночь вспоминалась смутно. Юлька в первый раз встречала Новый год с друзьями, а не с родителями. Воспоминание о том, как она запивала водку шампанским, и сейчас вызвало резкий приступ тошноты. Но все равно было весело – она хорошо помнила, что было весело, интересно, что всем понравились ее салаты. И гусь с яблоками, которого она готовила первый раз в жизни самостоятельно, ребята тоже хвалили. Жаль, никто не попробовал торта. Нет, попробовал. Наверное, его съели сегодня, потому что вот на столе, заваленном грязной посудой, стоит блюдо из-под него, совсем пустое.

Несмотря на печаль, теперь Юлька чувствовала себя хорошо. Разве что немного звенело в ушах. И очень хотелось есть. Она заглянула в холодильник и увидела, что несъеденные салаты аккуратно упакованы в майонезные баночки и кусочек торта лежит на маленьком блюдечке.

Она оглядела кухню и гостиную. Да, разгребать мусор придется целую ночь. Но так хотелось, чтобы кухня приобрела привычный уютный вид: чистый стол, горячий чайник, вазочка с печеньем... И тогда можно будет поесть и выпить чаю с тортом.

Юлька вздохнула и пошла в гостиную собирать грязные тарелки. Как хорошо, что папа провел в дом горячую воду! Мама считала это напрасной тратой времени и денег – построить дачу со всеми удобствами. Но папа настоял на своем. И теперь не надо зимой бегать в уличный туалет, не надо греть воду в чайнике, чтобы умыться. Можно даже принять душ. Папа родился в деревне, а мама всю жизнь прожила в городе, поэтому папа так ценил комфорт, а мама не представляла себе, что такое отсутствие удобств.

Из комнаты, носившей в семье название «желтой», вышел один из гостей. Юлька попыталась вспомнить, как его зовут, и, к своему ужасу, не смогла.

– С добрым утром? – спросил гость.

Юлька рассмеялась: так иронично это прозвучало.

– Тебе помочь? – вежливо поинтересовался парень.

– Да нет, не надо, я сама, – ответила Юлька, – только мне будет скучно одной. Может, ты просто посидишь со мной на кухне, пока я буду убирать?

Она точно помнила, что в Новый год он сидел за столом напротив нее, но совсем забыла, с кем он приехал. Из всей компании Юлька хорошо знала лишь пятерых своих сокурсников – остальные приехали по их приглашению. Невозможность обратиться к гостю по имени ужасно смущала ее. Ну не могла же она признаться в том, что не помнит, как его зовут?

Парень начал молча собирать посуду со стола, не ответив на ее предложение. Это понравилось Юльке. И вообще, он еще за новогодним столом понравился ей. Во-первых, он был старше остальных, и это бросалось в глаза: ее однокурсники и их друзья выглядели рядом с ним детьми. Он смотрел на них немного снисходительно, но не свысока. Как будто знал какую-то тайну, неведомую остальным, и эта тайна поднимала его над всеми. А во-вторых, Юльке всегда нравились именно такие. Он был среднего роста, несильно широк в плечах, и

красивым его назвать Юлька не могла – так, обыкновенное лицо. Ничего выдающегося, кроме разве что резко обозначенных скул над впалыми щеками. Карие глаза, не большие и не маленькие, сухие губы, прямой правильный нос. Юльке нравились именно такие – обыкновенные. Ее пугали красивые парни, она терпеть не могла «качков», не привлекал ее и высокий рост. Сама она была маленькой, и рослые ребята лишь подчеркивали этот ее недостаток.

Она попробовала понять, что же ей так понравилось в нем, чем он так притягивает ее к себе? Ну, может быть, волосы. Темно-русые, постриженные не коротко, но в рамках приличий, расчесанные на прямой пробор. Или продолговатая ямочка на подбородке?

Нет, наверное. Ничего особенного выделить не получалось. Просто его лицо, как и бархатный взгляд его немного прищуренных глаз, было удивительно мягким. Мягким, открытым и спокойным. И двигался он мягко, неслышно и как-то незаметно. Юльке показалось, что он очень сильный, гораздо сильнее, чем можно судить по его внешнему виду, потому что в его движениях прятался зверь. Впрочем, большинство мужчин казались ей очень сильными.

– Ты не знаешь, – спросила она, – остальные уже спят?

– Вообще-то первый час ночи. А поднялись они ни свет ни заря.

– А кто остался?

– Виталик со Светой, Андрей с Наташей и Людмила. Остальные уехали еще утром.

– Ну, значит, комнат теперь хватает на всех, – вздохнула с облегчением Юлька. Она не помнила, кто такая Наташа, зато прекрасно знала всех остальных. С Наташей утром проблем не будет – методом исключения она легко определит, кто она такая. Осталось вспомнить, как зовут этого парня. Наверняка он приехал с Людмилой, значит, у нее утром она это и выяснит.

– А тебе обязательно мыть посуду сегодня? Девчонки собирались завтра прибраться. Сегодня они на горке катались.

- Завтра мама приедет. Если она это увидит, ей станет плохо. Так что лучше уж я сегодня.

Юлька начала мыть посуду, а неизвестный гость подтаскивал тарелки из комнаты. Они болтали о чем-то несерьезном, и Юльке стало весело. Славным оказался этот парень, с ним незаметно летело время.

Правду говорят: глаза боятся, а руки делают. Не таким уж и страшным оказался устроенный беспорядок – за час они успели перемыть всю посуду и прибраться.

Юлька накинула ватник и подхватила мусорное ведро – осталось вынести набравшуюся гору мусора, а после этого можно было наконец поесть и выпить чаю.

- Ты куда? – спросил ее помощник.

- Вынесу мусор.

- погоди, – он изменился в лице, и от его веселости не осталось и следа.

- Что такое?

- Я сам. Ты только скажи мне, куда его выбрасывать.

- Да ладно, зачем? – начала сопротивляться Юлька.

- Не надо тебе одной туда выходить.

- Да что со мной случится в собственном дворе? Да и нет тут никого, дом-то на отшибе стоит.

- Вот поэтому и не надо. Давай ведро.

Он не отнимал ведра, нет. Но забрал его так, что Юльке не пришло в голову его не отдать. И шагнул на крыльцо. Ей показалось – или он помедлил, перед тем как сделать этот шаг?

Гость вернулся минут через пять. Он был бледен и растерян. Но поставил мусорное ведро на место и как ни в чем не бывало спросил:

- А чай у тебя есть? Утром нашли только кофе.

- Конечно, есть. Вот же он стоит. Ты хочешь есть?

- Если честно, то уже нет. А что, весь праздничный стол ты сама приготовила?

- Да, - Юлька очень гордилась собой и чувствовала себя совсем взрослой, - у ребят тридцать первого был экзамен, а я сдала его досрочно. Поэтому приехала еще двадцать девятого. Мама привезла продуктов, а я все приготовила. Нормально получилось?

- Очень даже. Честное слово. Я весь день ел, поэтому больше не могу.

- А я вот ужасно есть хочу. Я, как только проснулась, сразу захотела есть.

- Покушай, - гость усмехнулся, - закусывать никогда не поздно.

- А что, я была очень пьяная в Новый год? - Юлька смутилась.

- Нормально, - подбодрил ее парень, - ничего неприличного.

Он подмигнул ей и улыбнулся.

- Я почти ничего не помню, - вздохнула она.

- Наверное, и как меня зовут, не помнишь? - он снова ей подмигнул.

Она почувствовала, что краснеет, растерялась и не знала, что ответить.

- Меня зовут Егор, - почти сразу сказал он, и ее смущение сразу прошло. И стало очевидным, что Юльке необязательно было запоминать его имя, и ничего страшного нет в том, что она его забыла или не услышала.

Юлька налила чай себе и ему и начала усиленно закусывать.

- У вас хороший дом, - произнес Егор, отхлебнув из кружки и оглядевшись вокруг.

- Он совсем новый, его достроили всего года три назад, - ответила Юлька. - Мама очень хотела дачу, это была ее идея-фикс. Этот дом - он как ее второй ребенок.

- А твоя мама, она кто?

- Кем работает? Мама - бухгалтер. Главный бухгалтер.

- Нет, я имел в виду вообще: какая она?

- Моя мама? Даже не знаю. Она веселая. И добрая.

- А папа?

- У... Папа - умный.

- А ты? - Егор ей подмигнул.

- Я? - Юлька засмеялась. - Не знаю. Я тоже добрая и веселая. Наверно.

Ей было хорошо. Кухня вернула свой привычный уютный вид, и разговаривать с Егором ей очень нравилось. Он время от времени говорил что-нибудь такое, от чего ей становилось весело и хотелось смеяться.

- А котел сегодня топили? - вдруг озаботилась Юлька.

- А что, тебе холодно?

- Да нет, просто я про него забыла. А мама мне велела никому не доверять топить котел. Она и мне-то не очень доверяет. Мама ужасно боится пожара.

– Я топил котел, и, как видишь, пожара не случилось. А почему вы его сделали дровяным? Сейчас и на газе делают, и на солярке. Гораздо проще.

– Мама хотела, чтобы была печка. Папа хотел газовый котел. Нашли компромисс, – улыбнулась Юлька. – Я тоже хотела печку. А когда котел топится, можно перед открытой дверцей сидеть.

Как здорово, что Егор умеет топить котел. И вообще – почему ей так хорошо с ним? Ведь вовсе не потому, что он заставляет ее смеяться. Совсем не потому. Сам он кажется немного печальным и задумчивым. Но ведь и не поэтому тоже. Юлька никак не могла объяснить себе, что же так сильно притягивает ее в нем. Почему ей совсем не хочется, чтобы он сейчас сказал, что давно пора спать?

Юлька поклевала салата, попробовала торт, а вот чашка крепкого чая не пошла ей на пользу – вернулась утренняя тошнота.

– Там вчера на елке игрушки слегка побились, – как бы извиняясь, сообщил ей Егор.

– Много? – Юлька расстроилась. Почти каждая елочная игрушка была ей дорога. Часть из них она помнила с далекого детства: старые игрушки привезли из города на дачу. А часть она сама выбирала, и выбирала тщательно и с любовью.

– Нет, не очень. Стекла убрали еще утром. Но они там так и висят разбитыми, наверное, их надо снять и выбросить.

Значит, спать еще не пора!

Юлька радостно кивнула:

– Пойдем снимем.

Она поднялась и почувствовала легкое головокружение. И снова начала проклинать себя за то, что выпила вчера так много. Вчера? Или это уже позавчера? Нет, пока еще вчера.

Ей очень не хотелось включать в гостиной свет. Егор потянулся к выключателю, но Юлька остановила его:

- погоди. Давай закроем дверь в кухню.

Он кивнул, потянул за ручку двери, и они оказались в полной темноте. Потихоньку тьма рассеивалась, глаза привыкали, и вскоре комната наполнилась волшебным синим светом, отраженным от снега, и елка заискрилась бледными огоньками.

- Здорово, правда? - спросила Юлька.

Егор ничего не ответил, но Юлька знала, что он с ней согласен. Потому что он молчал и смотрел на елку.

- Давай не будем включать свет, включим только гирлянды, - предложила она.

- Будет плохо видно, какие игрушки снимать, - она почувствовала, как в темноте он пожал плечами. Но он не возражал, даже наоборот, ему эта идея пришла по вкусу.

- Ну и что? Зато будет красиво.

Ей показалось, что он улыбнулся. И с улыбкой двинулся к елке. И двигался он так легко, как будто видел в темноте. Она опять подумала, что Егор нравится ей все больше. И перестала искать этому объяснения. Просто с ним ей легко и хорошо. Уютно. Спокойно. Весело. И ничего не надо объяснять, можно вести себя так, как ей нравится, и не думать о том, какое впечатление она производит.

Елка вспыхнула двумя сотнями крошечных огоньков. Юлька точно знала, что их ровно две сотни, потому что сама покупала эти гирлянды и сама вешала их на елку. Сначала они светили все вместе, потом стали медленно гаснуть, а потом начали перемигиваться. Это было похоже на волшебство. И то, что новогодний праздник прошел, потеряло значение. Вот же он, праздник! В разноцветных огоньках на пушистых еловых ветках! И под этими разноцветными огоньками запросто может случиться чудо.

– Я так люблю елку, – мечтательно прошептала Юлька. – Мне кажется, когда горит елка, обязательно случится что-нибудь волшебное.

Егор посмотрел на нее и поднял брови:

– И чего бы волшебного тебе хотелось?

– Не знаю, – улыbnулась Юлька, – мне не придумать. Чего-нибудь очень красивого...

– Вон, смотри, наверху два шара битых, видишь? – Егор показал Юльке почти на самую макушку. Разбитые игрушки и вправду были незаметны, хотя света вполне хватало.

– Неа, – честно ответила Юлька, рассмеявшись и запрокинув голову.

– Сейчас я сниму. – Он подставил стул, легко поднялся на него и потянулся вверх. Только тут Юлька увидела шар, верней, то, что было шаром до того, как разбилось, – теперь он больше походил на маленькую звездочку.

– И как их умудрились разбить? Так высоко.

– Один – пробкой от шампанского. А остальные – на спор, оливковыми косточками, – Егор рассмеялся.

– Какое безобразие мы устроили... – вздохнула Юлька.

– Держи, – Егор протянул ей разбитую игрушку, она осторожно взяла ее в руки, а он уже потянулся за следующей.

– На, – он опять протянул ей руку, и Юлька, забирая осколок шарика, случайно коснулась его руки. Он снова потянулся наверх, а Юлька замерла. Как будто током ее ударило это прикосновение. Нет, не током. Током бьет омерзительно. А это показалось удивительно приятным. И в том месте, где ее рука дотронулась до его руки, остался теплый след – щеки загорелись помимо воли.

– А вот еще один, – сказал Егор сверху, и Юлька подумала, что его голос изменился и говорит он совсем не так непринужденно, как за секунду до этого. Но это ей, наверное, только показалось. Потому что все вокруг изменилось. Огоньки гирлянды потускнели, а синий свет в окне, наоборот, стал ярче. Темнота в углах комнаты сгустилась, а лицо Егора стало видно отчетливей. Лишь темнее обозначились провалы щек под скулами.

И теплая волна пошла вверх, и Юлька задохнулась, когда та поднялась до шеи, словно взяв ее за горло. «Неужели? – подумала она. – Неужели вот так оно и бывает?» Это еще не называлось счастьем. То, что она испытывала в тот миг, было скорее предчувствием счастья. Похожим на волшебство. На то самое чудо, которого она ждала в предыдущую ночь. Ей захотелось засмеяться. Щеки горели, она чувствовала, как они горят, и боялась, что со стороны это станет заметно. Но горели они не от смущения, а от радости, захлестнувшей ее с головой.

– Возьми, – Егор снова протянул ей руку, а она ждала этого, ей невозможно хотелось этого. Чтобы он обращался к ней, протягивал ей руку. Чтобы он еще раз случайно прикоснулся к ней.

Юлька взяла разбитый шар из его руки, и тут ее качнуло, голова закружилась, тошнота подступила к горлу, и она села на пол с неприличным грохотом. Еще и больно ударившись при этом.

Егор спрыгнул со стула быстро и беззвучно, нагнулся к ней, и в его глазах застыл испуг.

– Ой, – пискнула Юлька, – кажется, я упала...

– Совершенно точно упала, – Егор улыбнулся. – Не ушиблась?

Она помотала головой.

– Ты очень бледная. Как ты себя чувствуешь?

– Если честно, то плохо. Это все из-за чая. Не надо было пить такой крепкий чай.

- Тебе надо на воздух. Целые сутки в душном доме.

Она кивнула. Ей очень захотелось на улицу. Чтобы все вокруг освещалось синим светом. Чтобы лежал снег, и чтобы рядом шел Егор.

Он взял ее под мышки и усадил на диван, стоявший рядом. И ей так понравилось, как он поднял ее, - легко, словно игрушечную. И еще понравилось, что он сделал это так, как будто по-другому и быть не могло.

- Ну что? Лучше стало? - он оглядел ее лицо, словно ощупал рукой.

- Да, наверное, - Юлька не была вполне в этом уверена. Смесь ощущений давила на нее, и она не могла сказать, кружится голова от радости, или от его взгляда, или от духоты, крепкого чая и похмелья.

- Тогда одевайся, пойдем на воздух.

- Да мне только сапоги надеть и ватник, - ляпнула Юлька, и потом подумала, что в новой шубке, которую ей подарил папа, она выглядит куда лучше...

- Где твои сапоги? На веранде?

- Да, наверное.

Егор вышел, и Юлька закрыла лицо руками. Как хорошо! Как чудесно! Так чудесно, что невозможно дышать. Так хорошо, что кружится голова. И мысли путаются. Хочется плакать и петь.

А он, прикрыв за собой дверь, стоял уткнувшись лицом в косяк и сжав ладонями виски. От того, что ему тоже хотелось плакать и петь. И тоже нечем было дышать.

Егор вернулся не больше чем через две минуты, в сапогах и расстегнутом ватнике, и нес в руках ее белые дутые сапожки. Его лицо было спокойным и

непроницаемым.

- Как ты догадался, что это мои? – спросила Юлька удивленно.

- Видел, – он пожал плечами.

Юльку качнуло на пороге веранды, но Егор поддержал ее под локоть. Поддержал ровно настолько, чтобы она не упала, и сразу убрал руку, как будто обжегся.

И вдруг остановился. Словно вспомнил о чем-то. Юлька успела обогнать его на два шага и удивленно обернулась: он стоял и выглядел растерянным. И лицо его побледнело, так побледнело, что это стало заметно в тусклом свете лампочки над крыльцом.

- Что-то не так? – испугалась Юлька.

Он встряхнул головой.

- Нет, все нормально. Пойдем.

Юлька подумала, что не все нормально, он обманывает ее. И в прошлый раз, когда он выходил на улицу, тоже было не все нормально. Но она не решилась спросить о том, о чем он хотел умолчать.

А на улице падал снег – крупный и пушистый. В свете лампочки он искрился и переливался всеми цветами радуги, а внизу, наоборот, выглядел матовым и теплым. Было тихо. Так тихо, как бывает только зимой. Так тихо, что Юлька слышала, как снежинки падают на крыльцо. Легкий мороз тронул ее горячие щеки, и у нее сладко защемило в груди. Как замечательно! Чудо, так внезапно произошедшее под новогодней елкой, никуда не пропадало. И волшебная ночь только начиналась. И кто знает – может быть, за этой волшебной ночью наступит волшебное утро?

Егор оглянулся в сторону леса, и Юлька увидела, как передернулись его плечи.

– Ну что? Куда пойдём? – спросил он непринужденно, но прозвучало это натянуто.

– Пойдем к реке.

Он кивнул и сбежал с крыльца. Как будто прыгнул в воду.

На дороге к реке не горело ни одного фонаря. Она вилась среди леса, но не того, большого, который начинался в двухстах метрах от Юлькиного дома, а небольшого перелеска, шириной едва ли больше Юлькиного участка. Но выглядел он очень похожим на настоящий: еловые лапы, засыпанные снегом, нависали над дорогой, кусты по краю погрузились в высокие сугробы, а за ними было белым-бело, и на фоне белого снега терялись темные стволы деревьев. Белая дорога между двух еловых стен уходила вдаль, а над ней светлело небо.

Юлька шла и о чем-то весело болтала, Егор двигался чуть сзади от нее и время от времени придерживал ее за локоть, потому что дорога скользила. И то, что он шел немного сзади, и то, что поддерживал ее, создавало ощущение защищенности. Если бы Юлька шла одна, она бы наверняка очень боялась. Перелесок вовсе не казался ей безопасным. Конечно, никакой опасности в нем быть не могло, но стояла глубокая зимняя ночь, а вокруг не было ни одного человека. Юльке даже хотелось, чтобы стало страшно, но сколько она ни вглядывалась в снежную громаду леса, страшно ей не становилось. Она обернулась и заметила, что Егор тоже пристально всматривается в глубину леса. И его непокрытая голова засыпана снегом, как и свитер под расстегнутым ватником.

– Как ты думаешь, здесь есть волки? – спросила она.

– Что? – он словно нехотя оторвался от своих мыслей. – Нет, здесь нет волков.

Он сказал это так уверенно, как будто точно знал. Дорога свернула к реке.

– Откуда ты знаешь? Про волков?

Он на секунду задумался, как будто хотел понять, откуда он знает про волков.

– Здесь слишком шумно и много людей. А зима не такая уж холодная. Волки выходят к людям только в очень голодные зимы.

– Жаль... – протянула Юлька.

Он рассмеялся.

– Что ты смеешься? – удивилась она, а потом поняла, что это ее «жаль» и вправду прозвучало нелепо и по-детски. И тоже засмеялась.

Дорога уперлась в обрывистый берег реки, которая разливалась здесь широко и походила на белое поле, расстелившееся далеко внизу.

– Смотри-ка, а тут горка, – сказал Егор, подойдя к краю обрыва.

– Точно, – обрадовалась Юлька. Склон крутого берега был залит водой, и следы санок уходили далеко на лед реки и терялись в темноте.

– Жаль, мы ватрушку не взяли, – Юлька вздохнула.

– А на ногах слабо? – улыбнулся Егор и вдруг обхватил ее за плечи и толкнул вперед. От неожиданности Юлька завизжала. И поехала вниз. Он держал ее крепко, словно почувствовав, что она совсем не умела съезжать с горок на ногах и готова была свалиться в любую секунду. Ветер все сильнее бил в лицо, они набрали сумасшедшую скорость, и Юлька затаила дыхание – на этот раз ей действительно было страшно. Страшно и весело.

– А сейчас мы упадем, – шепнул он ей в ухо, и она почувствовала тепло его губ.

И Юлька заметила, как его руки увлекают ее в сторону и валят на бок. Они с хохотом зарылись в снег, перекатились друг через друга и наконец замерли, лежа на льду реки. Егор еще несколько секунд сжимал ее плечи, а потом рывком поднялся и поставил ее на ноги.

– Ну что? Понравилось? – спросил он улыбаясь.

– Здорово! – согласилась Юлька.

- Еще раз поедешь?

- Да!

- Пошли, - он схватил ее за руку и потащил за собой вверх по берегу.

Кто он? Хозяин леса? Медвежонок, удирающий от опасности во все лопатки? Или человек, обычный человек? Человек не убегает от опасности. Отец всегда учил его отличать в себе человеческое от звериного. Человек умеет преодолеть страх, человеком не должны двигать инстинкты, которыми руководствуется зверь. Он отдал свой лес без боя, убежал. Да, он еще медвежонок. Для берендея он подросток, берендеи живут долго, но и созревают поздно. Полную силу он наберет лет через десять-двенадцать. Впрочем, Берендей не обольщался: даже заматерев, он не станет очень крупным зверем. Его отец был крупней и сильнее. И отец бы не отдал свой лес без боя.

А Берендей бы ни за что не посмел выйти из теплого, надежного дома, если бы не эта девочка. Он хотел положить к ее ногам весь мир. Что еще он мог сделать для нее? Прокатить с ледяной горы? Пожалуйста. Для медвежонка это нетрудно. Только чтобы она смеялась. Может, позвать волков, чтобы ей стало страшно, а потом разогнать их, чтобы она восхищенно хлопала ресницами? И это нетрудно для хозяина леса. Пусть и бывшего хозяина леса. А что он может дать ей как человек? Она хотела чего-нибудь волшебного, но он так и не сумел ничего придумать для нее.

Берендей знал только одно волшебство - собственное превращение. Сколько раз он пытался понять, как это происходит, но в конце концов сдался. Отец посмеивался над ним и объяснял:

- Волшебство - это то, что происходит против законов природы. Так что можешь не стараться это объяснить. Пользуйся, совершенствуйся, а объяснить не пытайся.

И Берендей принял это как данность. Но вряд ли Юльке хотелось именно такого волшебства.

Что он делает? Как он смеет? Это же безнадежно. Это путь, который ведет в тупик. Он никогда не сможет сделать ее счастливой, у него нет даже дома, такого, в котором она привыкла жить. Его дом хорош для берендея. Добротный, теплый, по-своему уютный. В нем хорошо жить с отцом. Или с сыном. Но не с ней. Тот мир, который он может положить у ее ног, ей не нужен.

Он всеми силами старался не показать ей, что чувствует. Он боялся увлечь ее и одновременно невероятно хотел, чтобы она увлеклась. Берендей всю жизнь прожил с отцом и после трех лет ни разу не видел своей матери. Впрочем, мать вряд ли смогла бы научить его, как правильно вести себя с девушками. А отец, наверное, и предположить не мог, что перед ним когда-нибудь встанут такие вопросы.

И сейчас Берендей ощупью продирается сквозь свои чувства, пытается понять, что в них человеческое, а что звериное. И не понимал. Да, наверное, желание стиснуть ее в объятьях в полную силу медвежонка – это звериное. А если осторожно прижать к себе? Это звериное или нет? А накрыть ее рот губами? Это же совсем не то, что хочет зверь внутри него.

Он не собирался касаться губами ее волос, когда катил ее с горы. Совсем не хотел, это получилось само. Случайно. Ее волосы пахли молоком. Неужели он не умеет управлять зверем внутри себя? Но как невероятно желанны любые прикосновения к ней! Легко и случайно дотронуться до ее руки. Или поднять с пола на диван, такую маленькую и легкую.

Что он делает? Как он смеет?! Надо немедленно уходить. Завтра же, как только начнут ходить автобусы, он соберется и уедет домой. Завтра?.. Автобусы начнут ходить часа через три!

Юлька забила под одеяло, надеясь уснуть счастливой. Но вдруг вспомнила: Егор же приехал с Людмилой. Значит... Значит, все это ей показалось. Она все это придумала, навоображала себе неизвестно чего. Она успела придумать для себя, что тоже нравится ему, что все его поступки объясняются тем, что ему, так же как и ей, хорошо вместе. Она успела каждый его жест истолковать в свою пользу, каждое слово объяснить его симпатией, и в результате нарисовалась такая красивая сказка, что захватывало дух.

Предчувствие счастья вдруг сменилось отчаянием. Таким горьким отчаянием, что из глаз полились слезы. Он просто добрый, хороший парень, который вел себя с ней, как подобает воспитанному и доброму человеку. Он катал ее с горы – но ему и самому нравилось кататься с горы. Он помог ей мыть посуду – но это же вполне объяснимый поступок, без всяких особенных чувств к ней. Ему нравилось с ней разговаривать – а кому не нравилось? Они с Андреем, например, не одну ночь провели за разговорами на кухне. И тоже не могли остановиться и разойтись. Это не говоря о ночных разговорах с подружками.

Оказывается, все, что она себе представляла, – не более чем выдумка, мечты маленькой глупой девочки, не более! И плакала Юлька даже не от того, что мечта разлетелась на куски, как разбитая елочная игрушка, а от осознания собственной глупости и самонадеянности. И мысль о том, что он заметил ее интерес и прочитал на лице ее глупые мечты, заставляла Юльку краснеть и умирать от стыда.

Нет, ее чувство не стало меньше, она не давала себе слова выбросить его из головы – ей казалось, что она полюбила его навсегда. Только если раньше это окрыляло ее и делало счастливой, то теперь швырнуло в пропасть горечи и острой боли. Юлька не представляла, что душевная боль может быть такой сильной. Ей хотелось кричать от этой боли, и она затыкала себе рот подушкой, промокшей от слез.

Она так и уснула в слезах. И приснился ей медведь, положивший огромную бурю голову на ее кровать. Добрый и совсем нестрашный медведь.

Леня Журавлев в детстве был тефтелей. Размазней. Он всегда был крупным мальчиком, но это нисколько ему не помогало. Одноклассники не любили его, часто задирали, но он предпочитал с ними не связываться и всегда старался уйти от конфликта.

Отец смотрел на это сквозь пальцы, а маму это раздражало. Мама Лени была женщиной властной, серьезной и всю свою жизнь посвятила карьере отца. Сам отец ни за что не стал бы ползти вверх по служебной лестнице, ему бы хватило должности рядового инженера. Но маме этого показалось мало, и она толкала его вперед, пока не сделала главным инженером завода.

То, что сын вместо преодоления трудностей благополучно их избегает, бесило ее необычайно. А он пошел в отца, только и всего.

В семь лет мама записала его в секцию бокса. За руку приводила к началу тренировки и встречала, когда тренировка заканчивалась. Он был хорошо сложен для бокса – высокий, с длинными руками. Но через три месяца тренер сказал маме, чтобы она перестала мучить мальчика: боксером он не станет. Характер не тот.

Потом была спортивная гимнастика, но оттуда его вышибли с треском, потому что он залез на шведскую стенку и боялся с нее слезть, пока его не сняли взрослые ребята. Тренерша сказала, что у него нет шансов. А поскольку секция относилась к школе олимпийского резерва при Дворце пионеров, ни мамыны слезы, ни жалобы не помогли. Спортом занимались бесплатно, но только те, у кого к этому были способности.

В конце семидесятых необыкновенную популярность среди мальчишек имел хоккей. И в одиннадцать лет Леня сам, к радости матери, записался в секцию. Попроще, чем олимпийский резерв. Поэтому и требования там предъявляли пониже.

И ему понравилось. Понравилось побеждать. Побеждать самого себя, соперников, товарищей. В нем наконец проснулось честолюбие, свойственное матери и чуждое отцу. Особенно ему нравилась фраза: трус не играет в хоккей. В глубине души Леня отлично знал, что он трус. Но никто и никогда об этом не догадается, потому что он играет в хоккей.

Он имел отличные данные для хоккея и, возможно, добился бы в нем некоторых успехов. Но он вырослел, и когда получил свидетельство за восьмой класс, где троек оказалось больше, чем четверок, мама схватилась за голову.

С сентября на хоккее поставили жирный крест. Теперь он ходил в математический кружок при Дворце пионеров, занимался с репетитором физикой и химией: мама наметила поступление в университет. Конкурс на матмехе был небольшой, поэтому с поступлением трудностей не предвиделось.

За два года Леня легко из троечника превратился в первого ученика класса по техническим дисциплинам. А литература с географией его не очень

интересовали. И снова он ощутил вкус победы, оставив одноклассников далеко позади. И девчонки восхищенно вздыхали: «На матмех? Но ведь там очень сложно учиться!». А он только посмеивался в ответ: трус не играет в хоккей!

Но в университете его ожидало разочарование. Таких, как он, первых учеников в классе, там оказалось пруд пруди. И обойти их на повороте было не так-то просто, если не сказать – невозможно. И на помощь снова пришел хоккей. Леню быстро приняли в университетскую команду, зачеты он получал шутя, стоило только завкафедрой физвоспитания намекнуть об этом строгим преподавателям.

В университете Леня познал вкус еще одной победы – над женщиной. Женщины стали его страстью. Он был высок, силен и хорош собой. Его не интересовали девушки, липнувшие к нему, как мухи. Ему нужна была победа. Желательно над соперником. Он как нарочно выбирал для себя девушек, которые с кем-нибудь встречались, и уводил их от соперников легко и с удовольствием. Только они ему быстро надоедали после этого. И тогда он шел к новой победе.

Чуть позже, когда большинство его ровесников обзавелись семьями, ему нравилось соблазнять чужих жен. Это было увлекательно, а главное, упрощало разрыв.

Еще в университете он увлекся компьютерами, которые тогда назывались ЭВМ. На последнем курсе он занялся продажей «Синклеров», а года через два перешел на IBM. Деловой хватки ему явно не хватало, поэтому большого успеха это не принесло. Он вовремя это понял и занялся новым тогда, но перспективным направлением – обеспечением безопасности информации. Леня быстро превратился в Леонида Михайловича и котировался в кругу работодателей как узкий специалист высокой квалификации. Звезд с неба не хватал, но имел крепкий доход, машину, квартиру, отдельную от папы с мамой, и бесконечную череду женщин.

И красной нитью через всю его жизнь проходила одна идея: трус не играет в хоккей. Леонид выбирал себе экстремальные развлечения: ходил в горы, сплавлился по порогам на плотках. Ему случилось даже прыгнуть с парашютом. Он достаточно зарабатывал, чтобы платить за недешевые хобби. Так что когда ему в первый раз предложили принять участие в охоте, он с радостью согласился.

Леонид не умел стрелять, но это его не тревожило. Охота стала его новой страстью, тем более что победы над женщинами ему приелись и казались пресными. Он купил дорогое снаряжение, завел знакомство с егерями и охотниками, изучил юридические тонкости нового увлечения. И, вырываясь с работы, все свободное время стал посвящать охоте. Он любил комфорт, но готов был жертвовать им ради любимого развлечения. И даже начал находить в походных условиях свою прелесть: по возвращении домой горячая ванна казалась верхом наслаждения, а ужин в ресторане уже не был обыденным.

Мечтой его стала охота на медведя с рогатиной. Несмотря на то, что хоккей остался в прошлом, Леонид был в отличной спортивной форме, два раза в неделю аккуратно посещал тренажерный зал, вел здоровый образ жизни, хорошо питался и считал себя образцом мужественности. Почему бы ему не попробовать столь престижный способ охоты? Эта победа навсегда обеспечит ему репутацию бесстрашного человека: трус не играет в хоккей.

Друзья-охотники, конечно, отговаривали его от этой затеи. И посоветовали – для начала – поохотиться на медведя с ружьем. Чтобы посмотреть, что за зверь настоящий медведь. И когда Леониду предложили охоту на медведя в пограничном районе Карелии, он сразу согласился. Его не очень озаботило, что охоту предлагают в заповеднике, тем более что стоило это значительно дешевле, чем охота по лицензии. А наличие пограничной заставы и вовсе горячило кровь.

Они выехали из Петрозаводска третьего декабря: Леонид, двое его товарищей и опытный проводник-медвежатник. Недалеко от въезда в погранзону заранее был снят приличный коттедж со всеми удобствами, но проводник сразу предупредил, что, возможно, придется несколько ночей провести в лесу. Это безопасней, чем возвращаться в коттедж. В заповеднике закон охраняли только инспектора-одиночки, а на каждой мало-мальской тропинке, уходящей в погранзону, стояли пограничники.

Как ни странно, в лес они вошли тихо – проводник знал свое дело. Медведей в лесу было много, но попробуй найди берлогу! Искали весь первый день, и к вечеру проводник показал им куржак на дереве: след дыхания зверя. Влага конденсировалась на ветвях, постепенно обрастая все новыми и новыми кристаллами, и снизу ветви были покрыты красивым толстым слоем инея.

Проводник перешел на шепот: медведь спит чутко.

– Вот, смотрите. Прямо под куржаком – отверстие. Это чело. Чтобы медведя из берлоги выкурить, туда шест вставляют и внутри им шебаршат. Медведь просыпается, злится и выходит. Не сразу, конечно. Надо здорово его озлить. Щас посмотрим, нет ли еще одного выхода из берлоги, а то ведь и уйти может. Но брать его будем завтра. Если подранком уйдет – надо догонять. Один раз двое суток догоняли, но взяли в конце концов.

Берендей поднялся, едва рассвело. Обычно зимой его всегда клонило в сон (это тоже было звериным), и утро он не любил. Но воспоминание о предыдущей ночи выбросило его из постели.

«Посмотреть на нее в последний раз и уехать, – подумал он, – только один раз, и все. Хватит».

Во двор, шурша по снегу, въехала машина, потом выключился мотор, и вскоре хлопнула дверца.

«Это, наверное, Юлькина мама», – решил Берендей, натягивая футболку.

– Как тут мои дети? – услышал он голос с порога и вышел навстречу, приложив палец к губам:

– Дети еще спят.

Она была очень похожа на дочь. Тоже небольшого роста, тоже с вьющимися темными волосами. И выглядела она совсем молодой, едва ли много старше Юльки.

– Ой, а какой порядок у вас! – Мама скинула шубку. – Какие молодцы! Я думала, тут грязь вагонами вывозить придется, а вы сами все прибрали!

– Мамочка! – крикнула Юлька из-за двери. – Мамочка, я не сплю!

Берендей почувствовал себя лишним и поспешил скрыться в ванной.

– Поднимайся, – ответила ей мама, – и выходи сюда. Гости уже встали, а ты до сих пор валяешься!

– Гости не только встали, но и погулять успели! – услышал Берендей с веранды. – Здравствуйте, Антонина Алексеевна!

– Привет, Андрюша. Здравствуй, Людочка! Представляй мне свою девушку, Андрей!

– Ее зовут Наташа.

– А кто еще у вас тут остался?

– Виталька со Светой и Егор.

– А Егор – это кто?

Берендей выглянул из ванной:

– Егор – это я.

– Очень приятно! А я – Юлина мама, меня зовут Антонина Алексеевна.

Егор вежливо кивнул. Юлькина мама посмотрела на него как-то странно, с прищуром, словно пытаюсь оценить. Именно оценить, а не понять, что он тут делает.

– Извините, сейчас я умоюсь и выйду.

– Конечно-конечно! Не обращайтесь на меня внимания, – улыбнулась Юлькина мама и повернулась в сторону.

Берендей захлопнул дверь и уткнулся лбом в зеркало над раковиной: он чувствовал себя вором, который обманом проник в чужой дом, да еще и заглядывается на хозяйскую дочь. Пока длился праздник, и на следующий день, он не чувствовал себя неправым. И в прошедшую ночь тем более не чувствовал.

А теперь, когда он увидел настоящую хозяйку дома и понял, что Юлькины друзья хорошо знакомы с ее родителями, ему стало неловко. В глазах Юлькиной мамы он – проходимец, совершенно чужой человек. И от проходимца можно ждать чего угодно. Он может оказаться вором, пьяницей, дебоширом, маньяком, наконец. Взрослым людям свойственна недоверчивость, и Берендей бы нисколько не удивился, если бы Юлькина мама выставила его вон, как только поняла, что про него никто ничего не знает.

Дома он каждое утро обливался холодной водой, как когда-то приучил отец. Во-первых, у берендея должно быть здоровое тело. Ему дарована длинная жизнь, в два раза длинней, чем у обычного человека. И ее надо беречь. Во-вторых, зверь не должен издавать лишних запахов. В-третьих, это снимало его обычную утреннюю сонливость. Особенно зимой.

Выйти во двор и облиться из ведра, как он привык, показалось ему чересчур вызывающим, поэтому пришлось принять холодный душ. Никакого удовольствия он при этом не испытал: вода лилась тонкой струйкой, за ночь нагрелась и была скорей тепленькой, чем ледяной. От колодезной воды кожа загоралась огнем, кровь ударяла в голову, энергия била через край. А зимой и снегом можно было растереться. Нет, душ однозначно не понравился Берендею. Но из ванной он вышел куда бодрее, чем зашел. И тут же столкнулся с Юлькой.

Она была розовой со сна, мягкой и трогательной. А еще ему показалось, что она плакала: ее глаза слегка припухли. Но она проспала всего три часа, и это действительно могло только показаться.

- Привет, - Берендей улыбнулся ей.

Она почему-то не ответила ему, только кивнула и спрятала глаза. Как будто он чем-то ее обидел. Он пропустил ее в ванную, пытаясь вспомнить, что говорил и что делал перед тем, как они разошлись по комнатам. Почему она не улыбается больше, как вчера? Может, она просто не выспалась?

Берендей тут же почувствовал на себе чей-то взгляд и повернулся в сторону стола: на него смотрела Юлькина мама – с интересом и любопытством. Она поняла? Вот так, сразу? С одного взгляда?

– Садись чай пить, я привезла пирожные, – позвала она. Ему понравилось, как она это сказала, – как будто старому знакомому. Не фамильярно, но очень... по-дружески.

За столом уже сидели Андрей, Наташа и Людмила.

– Проходи сюда, – Антонина Алексеевна кивнула на место в углу.

Там уже стояла кружка с дымящимся чаем. Хочешь-не хочешь, а пришлось занять именно тот стул, который для него выбрали. Берендей хотел сесть с краю, он любил сидеть с краю. И на краю стула – чтобы ничто не мешало в любую минуту сорваться с места. «Это звериное», – говорил отец и тоже старался запихнуть его в угол.

Берендей кивнул и сел. Справа от него, через угол, сидела Людмила, а слева осталось свободное место. Андрей привстал и поприветствовал его нарочитым рукопожатием. Вчера они немного познакомились, и, похоже, Берендей Андрею не понравился. Интересно, чем? Берендей относился к нему вполне дружелюбно.

Без объяснений все понимали, что связь Андрея с Наташкой не продлится и недели: яркая, симпатичная девочка привлекла его лишь доступностью. Андрей был весьма симпатичным юношей, и Берендей долго не мог понять, откуда берется его потребность в легких победах. Только потом, поглядев внимательней, выяснил: Андрей считал себя толстым. Он и вправду был склонен к полноте, но она его нисколько не портила, наоборот, придавала солидности и шарма. Но, видно, себе он рисовал другой образ.

Наташка была слишком простой для него – не умела правильно говорить, правильно есть, правильно себя вести. А Андрей явно жил в семье, где это ценится. Берендей видел, как за новогодним столом, будучи совершенно пьяным, он ел гуся ножом и вилкой. Он и сейчас сидел за столом выпрямившись и прижав локти к бокам. И речь его отличалась литературностью – он всегда правильно и по-книжному строил фразы: это выглядело естественно и не вызывало отторжения.

Людмила же, наоборот, старалась казаться интеллигентной, но у нее это плохо получалось. Отец говорил Берендею, что интеллигентным человеком нельзя притвориться. И точно: что-то выдавало в Людмиле дочь нуворишей, высоко

взлетевших, но так и оставшихся мещанами во дворянстве. Однако Людмила ему понравилась. Она была высокой, статной брюнеткой, ярко покрашенной, даже когда шла кататься с горки. Голову держала высоко и гордо; губы ее, чувственные и яркие, оставались плотно сжатыми, как будто она играла королеву. Но иногда, забывая о своей нелегкой роли, она превращалась в обычную девчонку, с южнорусским говором и южнорусским же темпераментом. И тогда ее мимика становилась богатой, а лицо, утратив маску, располагало к себе.

- Ну, как вы сдали химию? - спросила Юлькина мама, обращаясь к Андрею.

- Нормально сдали, - ответил он, - почти все сдали. Но мурыжил нас преподаватель до шести часов вечера.

- Ну, этого следовало ожидать. А Наташа где учится?

- В колледже, - ответил за нее Андрей.

- А в каком?

- Я буду парикмахером, - скромно, но не без гордости ответила та. И Берендею была понятна эта гордость: наверняка ее родители всю жизнь проработали на заводе или на стройке, а она будет сидеть в чистой, теплой и светлой парикмахерской, с чистыми руками и в красивой одежде.

- А ты, Егор, учишься или работаешь?

- Я работаю, - ответил Берендей.

- А кем, если не секрет?

Вопросы Юлькиной мамы не были похожи на допрос. Скорее, она спрашивала, чтобы снять напряжение за столом, вызванное ее приездом. Похоже, она отлично понимала, что друзья ее дочери чувствуют себя немного неловко.

- Я егерь.

- Правда? – на лице Антонины Алексеевны нарисовалась неподдельная, детская радость. – Не может быть!

- Почему же? – Берендей немного смутился.

- Представляешь, когда я была маленькой, я мечтала стать егерем. Мои родители были в ужасе. Нормальные девочки хотят быть врачами и учителями, а их дочь выдумала себе что-то невообразимое. Только я тогда думала, что егеря – это вроде хранителя леса.

- Ну, у меня так оно и есть, – пожал плечами Берендей, – но вообще-то егеря – это больше профессиональный охотник. У нас хозяйство бедное, к НИИ относится. Иногда, конечно, надо и охоту организовать. Но у нас охотиться скучно. Приезжают начальники из НИИ да из районной администрации. И больше выпить на природе да в бане попарится.

- А что, у нас в лесу и звери есть?

- Да, осталось немного. Лисы есть, много лис. Зайцы, кабаны. Лоси. На лосей и приезжают охотиться.

- А медведи?

- Нет, здесь медведей нет. Восточней, ближе к Вологодской области, встречаются. А здесь мы вообще между двух железных дорог зажаты, жилье кругом, дороги. Какие тут медведи!

- Слушай, а где учатся на егеря? Я в детстве этого так и не выяснила.

- Не знаю. Мой отец был егерем. И я стал.

- А твой отец жив?

- Нет. Он умер два года назад.

- А мать?

– Я жил с отцом, – уклончиво ответил Берендей.

– Так ты совсем один живешь? И, наверное, где-то в лесу?

Берендей пожал плечами и улыбнулся:

– У меня есть пес. Так что я живу не один.

Из «красной» комнаты показалась заспанная голова Виталика, едва не задевавшая косяк.

– Виталик, привет, – тут же переключилась на него Антонина Алексеевна.

– Здравствуйте. А ванна свободна?

– Там Юлька, но она сейчас выйдет. Уже воду выключила.

Виталик втянул голову обратно в комнату и закрыл дверь.

Юлька и вправду тут же вышла из ванной, кинула взгляд на сидящих за столом и закусил губу. Что-то с ней все-таки произошло, вчера она была совсем не такой. Она была веселой и улыбчивой. А сегодня помрачнела и насупилась.

– Юлик, садись ко мне поближе, – ее мама хлопнула по стулу рядом с Берендеем, – а там сядут Виталик со Светочкой.

Интересно, она так заранее запланировала или это получилось случайно? Антонина Алексеевна села за стол так, что образовалось две пары свободных мест. И, какое бы место ни занял Берендей, ему все равно пришлось бы сидеть рядом с Юлькой. Если, конечно, Света с Виталиком сядут вместе.

Юлька чуть не заплакала. У нее даже наморщился нос. И загорелись щеки. Да что же с ней такое? Она не хочет садиться рядом с ним, она чуть не плачет оттого, что ей придется рядом с ним сидеть! Что он такого сделал вчера, чем так обидел ее? Берендей уткнулся в кружку и боялся на нее посмотреть. Когда они возвращались домой, все было хорошо: она смеялась. Потом они пили чай, и она снова смеялась. Может быть, он слишком резко развернулся, когда уходил

в «желтую» комнату? И ее это задело? Они остановились у стола, и говорили о чем-то малозначительном, и раз двадцать успели пожелать друг другу доброй ночи. А потом он понял, что ему пора уходить, иначе он сделает что-нибудь непоправимое. Может, не стоило так сразу? А он сказал ей: «Все. Спать», развернулся и ушел.

А может, ее смутило то, что их вдвоем увидел Андрей? Они вернулись с улицы и над чем-то смеялись. И Берендей подхватил ее за локоть, почти по привычке, когда она споткнулась о порог. А в кухне сидел Андрей и пил чай. Впрочем, он почти сразу ушел наверх.

Юлька села рядом, и он левым боком почувствовал ее напряжение.

– Ну что ты села? – улыбнулась ей мама. – Наливай чай, я, между прочим, объездила здесь все магазины, чтобы найти твой любимый медовик.

– Я просто не выспалась, – уныло ответила Юлька.

– Егор, на буфете сзади тебя кружки, дай Юлькину, пожалуйста.

Берендей вздрогнул и обернулся. Юлькина была с желтой лилией, высокая и тонкая, как кубок. Он поставил кружку перед Юлькой, боясь случайно прикоснуться к ее руке.

На этом месте Юлькина мама хитро улыбнулась и подмигнула ему. Он постарался сделать лицо непроницаемым.

– Значит, говоришь, медведей здесь нет? – Антонина Алексеевна сделала вид, что продолжает начатый с ним разговор, хотя остановился он вовсе не на медведях.

Он покачал головой. Интересно, она и про медведей догадалась? Это вряд ли.

Мимо них из «красной» комнаты в ванную молча проскользнула Света – маленькая, худенькая блондинка. Виталику она доставала едва ли до подмышки и говорила тихо и по-детски. Берендею она не нравилась: чем больше он ее

узнавал, тем больше убеждался, что беспомощной она только притворяется, на самом деле оставаясь трезвой и холодной.

А потом он выяснил, что мама Светы – библиотекарь, и у нее есть еще старшая сестра-студентка. А Виталик – мальчик из весьма обеспеченной богемной семьи.

– Сегодня в магазине народ говорил, что на краю поселка видели медведя, – продолжила Юлькина мама, – и что он, вроде как, на кого-то напал. И что медведь этот огромный, чуть ли не с корову размером.

Берендей хмыкнул и поспешил пояснить:

– Это байки. Во-первых, их здесь нет. Во-вторых, медведи зимой спят, в-третьих, медведи крайне редко нападают на людей.

– А шатуны? Когда им нечего есть? – спросила Людмила.

– Медведь не пойдет к жилью. Даже шатун. Животные боятся запаха дыма. Про корову и говорить нечего. Наши медведи мелкие, весят килограммов сто-сто пятьдесят. Это размером со свинью. Самые крупные медведи живут на Камчатке и на Аляске – вот их еще можно сравнить с коровой. До трех метров рост, когда на задние лапы встают. Но это на Камчатке. Так что видели, наверное, лося, а приняли его за медведя.

Берендей весил двести пятьдесят килограммов, когда оборачивался. Берендей всегда много крупней настоящих медведей. И когда он наберет полную силу, то дорастет килограммов до трехсот пятидесяти. А про медведей трехметрового роста и весом в семьсот килограммов он только слышал или читал.

– Если честно, я не очень-то в это поверила, – тут же согласилась Юлькина мама, – мало ли что в магазинах болтают.

– А я слышал, что медведи очень часто нападают на людей, – вставил скучающий от отсутствия внимания Андрей, – особенно зимой.

Берендей пожал плечами:

– Вообще-то зимой медведи спят.

– Я недавно читал статью в Интернете, там как раз говорилось о нападениях медведей на человека, – не сдался Андрей, и Берендей почувствовал в его словах непонятную враждебность. Откуда бы?

– Если собрать в одну статью все случаи нападения медведей на человека за последние сто лет по всему миру, получится очень солидный список. И у того, кто этот список прочитает, сложится впечатление, что медведи часто нападают на людей. Я думаю, такие статьи пишут, чтобы привлечь читателей, а не для того, чтобы анализировать факты.

– Да тебе-то откуда знать, для чего пишут такие статьи?

Берендей глянул на Андрея исподлобья: он не хотел конфликтов, он и так чувствовал себя не в своей тарелке. Юлька смотрела в стол, но Берендей заметил, что она внимательно слушает их разговор. Он уже собирался ответить Андрею чем-нибудь не менее вызывающим, но тут из ванной вышла Света, тихонько села рядом с Юлькиной мамой, и та решила сменить тему:

– Кстати, а куда вы дели Ивана? Его отец звонил мне вчера вечером. И откуда только телефон взял?

– Мама, – нервно ответила Юлька, – ты же сама велела дать всем родителям твой телефон. Вот я и дала.

– Ну, я это просто так сказала, что было бы неплохо... – мама прыснула. – Так куда Ивана дели?

– А он уехал еще в Новый год, – ответила Людмила, – ему тут не понравилось. Он у нас весь на пальцах мальчик, только мерседес сломался.

– Как же он уехал? Он что, без машины был?

– Про мерседес – это присказка такая. С машиной, конечно. На семерке раздолбанной приехал, – фыркнула Людмила. – Зато понтов сколько было! Уехал – и скатертью дорога!

– А до дома не добрался, наверное, еще где загулял. Родители его с ума сходят. Я им позвоню. Во сколько он уехал? Кто-нибудь помнит?

Андрей буркнул под нос:

– Я его вообще не помню.

– Я на часы не смотрела, но Новый год уже наступил, – ответила Людмила, – мы на улицу вышли. Наверное, около половины первого. Вернулись мы в час, это я точно помню.

Юлькина мама достала телефон и, накинув шубку, направилась на улицу: Берендей еще вчера понял, что из дома нельзя позвонить, почему-то в нем не было сети. Первого утром все поминутно бегали на крыльцо, где появлялась сеть, чтобы поздравить родных и знакомых с Новым годом.

Антонина Алексеевна вернулась очень быстро.

– Так, ребяташки. Сюда едет отец вашего Ивана. У меня сложилось впечатление, что он бандит. Я, конечно, могу ошибаться, но уж больно похоже по голосу.

– У него папаша депутат, – скроила презрительную мину Людмила.

– Одно другому не мешает, – философски заметил Андрей.

– И он в бешенстве, – продолжила Антонина Алексеевна. – Так что быстро вспоминайте все подробности про этого Ивана. Кто что кому сказал, с кем дружил, с кем ссорился.

Берендей сперва не придавал разговору значения, пока не вспомнил: а ведь он появился здесь именно в это время. Между половиной первого и часом. Он не застал Ивана, потому что не видел, как отъезжала машина. Но, черт возьми, он слышал ее, когда лежал в снегу и боялся открыть глаза! И кто догонял его в лесу? Кто или что? Может быть, оно нашло себе новую жертву? Полегче, чем берендей?

Игорь Скоробогатов любил, чтобы его уважали. Он осознал это еще в детстве и никогда не притворялся перед самим собой. Когда ему было десять лет, родители поменяли квартиру, и ему пришлось идти в новую школу, где никто его не знал. Скоробогатов не боялся оказаться новеньким – в старой школе он быстро доказал свое превосходство над остальными при помощи тяжелых кулаков. Он с первого класса занимался боксом. Но в новой школе его ожидало разочарование: его кулаков никто не испугался. Вернее, не так. Его боялись, но уважать так и не начали – сторонились. А он привык к тому, что сверстники юлят перед ним, заискивают и заглядывают в рот.

Никто не обламывал его, не устраивал ему «темную», не травил, не объявлял бойкотов. Он просто остался один. И так продолжалось целых два года, пока Скоробогатов не начал понимать, что кулаками работать бесполезно: никто не приходит в восхищение от его почти профессиональных ударов. Но у него ничего больше не было – ни достатка, ни уважаемых родителей. Учился он плохо, никаких интересов бокс ему не оставлял, пожирая все его время. Чем еще он мог заслужить уважение одноклассников?

И в один прекрасный день он позвал весь класс на соревнования, в которых ему прочили выигрыш. И, как ни странно, почти все пришли. Скоробогатов до сих пор был благодарен им за то, что они пришли и не оттолкнули его тогда. Он участвовал в трех боях и во всех трех вышел победителем. Если бы на него не смотрели тридцать одноклассников, он бы не смог этого сделать: соперники оказались намного серьезней, чем предполагал тренер. Одноклассники болели за него, они кричали и хлопали ему. Наверное, никогда больше он не испытывал такого счастья, как в тот день.

А назавтра одноклассники встретили его совсем не так, как всегда, – они обрадовались его приходу. Девчонки восхищенно вздыхали, а пацаны хлопали по плечам и просили рассказать о боксе. Они приняли его! Приняли с уважением и даже с любовью. Все, что он имел, – огромные кулаки – на этот раз сослужило ему хорошую службу.

Скоробогатов запомнил это. И всегда старался вызвать уважение, а не страх. Другое дело, что ничем, кроме кулаков, он пользоваться так и не научился и отдавал себе в этом отчет.

Но тот случай подарил ему не только уверенность в себе – он навсегда связал его с той, которую он до сих пор трепетно любил и без которой не мог

представить себе жизни: Ирэну.

История их любви, избитая и истертая сотнями дворовых песен, не становилась от этого менее романтической. Он – двоечник и хулиган, она – отличница и первая красавица класса. Да еще с таким необычным и красивым именем. Вся школа прилипала к окнам, когда он брал у нее портфель и провожал домой. Понятно, почему красивая и умная девочка нравилась задире и хулигану, но что она нашла в нем? Это оставалось для Скоробогатова загадкой и теперь, когда они вместе прожили девятнадцать лет.

Им пришлось пожениться сразу после школы: Ирэна ждала ребенка. Он носил ее на руках всю беременность, и появление на свет мальчика стало главным чудом в его жизни, несмотря на головокружительный успех, богатство и карьерный рост.

Мальчика назвали Ванечкой, как этого захотела Ирэна. Он рос точной копией матери, за что Скоробогатов любил его еще сильнее.

Сначала их жизнь была безоблачной – они жили у родителей Ирэны, вполне обеспеченных инженеров. А потом случился отпуск цен, и жизнь их покатила под откос. Сбережения родителей обесценились в один день, а работы не стало. Отец Ирэны пробовал себя в бизнесе, но быстро разорился, потерял квартиру, машину и бо?льшую часть мебели. Впятером им пришлось переехать к родителям Скоробогатова, в двухкомнатную хрущевку. Ванечке тогда было всего пять лет. Родители Скоробогатова разве что имели жилье – денег у них тоже не было, завод если и выдавал зарплату после полугодовой задержки, то продукцией собственного производства, а не наличными деньгами. Ирэна училась, Скоробогатов работал на рынке охранником, но его зарплаты не хватало на семь душ.

И он, недолго думая, пошел в банду боевиком. В отличие от мальчишек, которых влекли легкие деньги и не страшил риск, он отдавал себе отчет в том, на что идет и что будет с семьей, если его случайно убьют в перестрелке. Но теперь он знал, что? нужно, чтобы тебя уважали: нужно быть бесстрашным и побеждать. И он побеждал. Он летел вверх по иерархической лестнице своей группировки и добрался до небывалых высот.

Скоробогатов разбогател, неприлично разбогател. И, опять же, успел остановиться. Он не стал создавать своей группировки, которая удесятирила бы его капитал. Он ушел в бизнес, так и оставаясь на вторых ролях. И снова выиграл: пока авторитеты продолжали стрелять друг в друга, он успел занять такие ниши, которые потом у него было поздно отвоевывать. А когда остальные спохватились и решили жить в мире и спокойствии, Скоробогатов уже сидел в депутатском кресле. Конечно, в городской думе, а не в государственной, но ему и этого вполне хватало.

Он и сам до сих пор удивлялся своему невероятному успеху и приписывал его звериной интуиции, умению подбирать помощников и отсутствию тщеславия. Сам по себе, без помощников, он бы никогда ничего не добился. Со всех сторон его окружали тигры, а он тигром себя не чувствовал. Так, упрямый бык, который не рвется водить стадо, зато потихоньку берет себе любую корову, которая ему понравится, пока вожак разбирается с внешними врагами. Недаром он родился под созвездием Тельца.

Скоробогатов забросил спорт, а потом и спортзал с бассейном. Растолстел, обрюзг и облысел. Но Ирэна была счастлива и гордилась мужем. Они выстроили себе скромный особнячок в курортной зоне, выделили по отдельной квартире родителям, а тестю Скоробогатов купил небольшой, но доходный бизнес. Ванечка рос в достатке и любви, имел все лучшее – учителей, врачей, товарищей, не говоря об игрушках. Скоробогатов не мог надышаться на сына. Сын казался ему и самым умным, и самым храбрым, и самым добрым мальчиком.

Ванечка начал рано интересоваться девочками, и это только позабавило отца. Ванечка хотел нравиться сверстницам, и Скоробогатов не скупился: теперь у сына была лучшая одежда, лучшие машины и много карманных денег – ведь девчонки любят цацки и дорогие кабаки.

Этот Новый год Ваня собирался встретить на даче с какой-то подружкой, и Скоробогатов не возражал: зачем ему сидеть в душном ресторане среди чопорных и полупьяных друзей отца? Пусть отправляется на воздух, где будет веселая компания сверстников.

Ирэна как раз не хотела его отпускать и даже потребовала телефон подружки, на дачу к которой он отправляется.

А в Новый год, в половине первого ночи, когда веселье в ресторане было в самом разгаре, Ирэна вдруг закачалась и присела на стул у чужого столика.

Скоробогатов, не уставший за девятнадцать лет любоваться своей женой даже на людях, немедленно заметил это.

- Тебе нехорошо? - тихо спросил он, когда протолкнулся сквозь толпу.

- Игорь, ты не смейся надо мной. Что-то с Ванечкой сейчас случится. Позвони ему, я сама боюсь.

Скоробогатов кивнул и вышел в тихий холл, где можно было говорить по телефону. Иван сразу снял трубку, и Скоробогатов вздохнул с облегчением. Он боялся признаться себе, что поверил в предчувствие жены. Это было как-то не по-мужски.

- Алло, сынок? У тебя все в порядке?

- Да, - удивленно ответил Иван. Отец никогда не контролировал его по пустякам и никогда не мешал спокойно развлекаться. И Ирэну отговорил это делать: мальчика не должна подавлять родительская опека.

- Ты на даче?

- Не, я ухал оттуда, мне не понравилось. Все как-то беспонтово у них. Типа бедно, но чисто.

- И куда ты едешь?

- Не знаю еще. К вам в кабак сейчас заеду, а там посмотрю. Надо же мне нормально поесть, а в приличное место уже не попасть, все забито под завязку.

- Ну давай, ждем тебя. Сколько тебе добираться?

- Час... Может, полтора. Снег идет и дорога скользкая.

Но прошел час, потом два, а Иван так и не приехал. Скоробогатов позвонил ему, но трубку никто не снял. Не появился он и утром, и снова не отвечал на звонки.

Конечно, мальчик запросто мог найти себе хорошую компанию. Мог не слышать мобильного или потерять его. Мог выпить лишнего, наконец, – и забыть о родителях. Но Ирэна не спала до утра, и Скоробогатов не находил себе места.

К семи часам вечера он вызвал Семена, начальника своей охраны, и поставил перед ним задачу найти мальчишку немедленно. Не трогать, не мешать ему, а лишь выяснить: где он и что с ним. И велел при этом докладывать о результатах каждый час. Не потому что не доверял Семену или считал его глупей себя. Нет, он просто не мог успокоиться, а это заполнило бы тянущееся бесконечно время. Лучше обсуждать с Семеном его поиски, чем ходить из угла в угол, как лев по клетке.

Семена Скоробогатов ценил и даже по-своему любил, Семен был предан ему как пес. Бывший опер, которого Скоробогатов вытащил из грязи, поклонялся ему, как идолу. И Скоробогатову это льстило. Но кроме преданности, у него было немало других достоинств: Семен жил одиноко, отлично знал свое дело, на него можно было положиться в самых щекотливых вопросах. У него нашелся только один пункт, на который Скоробогатов смотрел сквозь пальцы: Семен обожал собак. Говорили, что и жена от него ушла из-за собак. Он держал их штук шесть или восемь. И ни одной породистой. Он подбирал их на улице – тех, которых особенно жалел. Кормил, чесал, лечил, выгуливал. Они поглощали все его свободное время. При этом с пафосом пояснял, что все его собаки – отличные ищейки. Некоторые ходят по следу, а некоторые выучены на поиск наркотиков. Но все понимали, что это ерунда.

Через час Семен знал фамилии и телефоны всех, кто уехал на дачу вместе с Ваней. Их было девять человек. У шестерых мобильники находились вне зоны доступа, а троих удалось отловить – к девяти вчера Семен доставил их домой к Скоробогатову. Никто из них до этого Ивана не знал, познакомились они на даче. Из всей компании хорошо знали друг друга только шестеро студентов биофака, остальные были их гостями – в том числе Иван.

Имя Людмилы показалось Скоробогатову знакомым, и он позвал Ирэну.

– Да, Людочка была у нас, – подтвердила та. – Она учится в университете. По-моему, что-то связанное с зоологией. Хорошая девочка, из хорошей семьи, я была рада, что Ваня привел ее к нам домой.

У Скоробогатова скоро заболела голова от повторения имен и бесконечного круга вопросов, которыми Семен мучил подростков. Но ничего нового выяснить не удалось: почему уехал Иван, никто не знал и не помнил. Он ни с кем не прощался, сел в машину и уехал. Они смотрели салют, пили шампанское, и никому до Ивана не было дела. Только одна мысль почему-то очень тревожила Скоробогатова: почему и как на месте Ивана оказался Егор? И Ивана после этого больше не видели. Зато все видели Егора, и никто не знал, кто он такой и откуда взялся.

Ребят отпустили, а Скоробогатов велел Семену выяснить, кто такой этот Егор и почему он не попал в его список. На всякий случай он даже позвонил хозяйке дачи и нашел, что это вполне приличная женщина. Но она ничего не знала ни про Ивана, ни про Егора.

Ночь прошла в безуспешных поисках: никакого Егора найти не удалось, все остальные версии о местонахождении Ивана тоже не подтвердились. Семен методично обзвонил всех его друзей и знакомых, каких смог достать, проехал по клубам и ресторанам, в которых Иван мог побывать. Его нигде не видели. Не видели даже похожего на него. Его мобильник приятным женским голосом сообщал о том, что телефон выключен или находится вне зоны действия сети.

Часов в десять утра позвонила хозяйка дачи и сообщила, что Иван действительно уехал в половине первого ночи и не возвращался обратно.

Скоробогатов, не спавший две ночи, пришел в отчаянье. На этой даче его сына видели последний раз, значит, оттуда и надо начинать поиски. Семен с ним согласился и в поездку взял двух своих «ищеек» и одного «быка». «Быка» звали Вовой, и он напомнил Скоробогатову девяностые годы: бритые затылки, кожаные куртки, лопающиеся на крутых плечах, короткие толстые шеи. Этот «бык» казался пародией на «братков» начала его карьеры. Впрочем, сам Скоробогатов ничем от них тогда не отличался.

По пути на дачу – а Семен успел выяснить, как туда добираться, – им дважды пришлось останавливаться. В первый раз Скоробогатову показалось, что он видел Ванечку в толпе у магазина, а второй раз – на заправке стоял его «мерседес». Семен напомнил, что Иван уехал на «семерке», поскольку «мерседес» в ремонте.

До дачи оставалось не более полукилометра, когда машину остановил сам Семен.

– Сиди здесь, Николаич, – велел он, вышел из джипа и вернулся на несколько шагов назад.

Скоробогатов вдруг испугался. Он испугался так сильно, что перестал дышать и зажмурился. Место, где Семен остановился, было пустынным. С обеих сторон дороги стоял лес. Перед ними по свежему снегу проехала лишь одна машина. Наверное, это и была хозяйка дачи. Никого. Ни домов, ни пионерских лагерей, только лес и заснеженная дорога.

Семен открыл заднюю дверь и вывел на снег своих ищеек. Скоробогатов побоялся его спросить, что он там нашел, а Семен, мрачнее тучи, ничего ему не сказал.

Он вернулся минут через пять, которые показались Скоробогатову пятью часами.

– Слышь, Николаич... – начал Семен робко и вкрадчиво, – ты тока не бери в голову. Я машину его нашел...

– Что?

– Семерка его в кювете лежит, на бок перевернута. Пустая она.

– Это не его, – сразу решил Скоробогатов.

– Смотри сам.

– Да я даже смотреть не хочу. Я говорю, это не его машина.

– Николаич, возьми себя в руки. Это его машина. Я точно знаю. Я думал собачек по следу пустить, да снегом все завалило, не чуют они ничего.

В отличие от Семена, Скоробогатов уже понял, что Ивана нет в живых. Теперь он знал это так же точно, как и то, что дальнейшие поиски бесполезны. Наверное, он понимал это с самого начала, с того момента, как Ирэна сказала ему о том,

что с Ванечкой сейчас что-то случится. Но глупая, нелепая надежда на то, что он ошибся, все еще согревала ему сердце. Семен не смог бы этого понять, для него нет тела – нет дела. А Скоробогатов знал, давно знал, что Ванечка покинул их навсегда. Но все равно верил в чудо. И хотел продолжать верить в чудо, и продолжал бы, наверное, если бы не пустая машина, лежащая в кювете...

Собачки почему-то жались к ногам Семена и тихо поскуливали. Скоробогатов подумал, что они ничего не учуют, даже если сапоги крепко смазать одеколоном и пустить их по следу через пять минут. Эта мысль до того его рассмешила, что он захихикал. Он хихикал долго, а потом разрыдался. Ему пришло в голову, что если бы собаки Семена умели брать след, то уже нашли бы Ванечку.

Убитая надежда медленно вытекала из глаз, оставляя вместо себя желание отомстить всему миру за смерть сына. Всем! Хозяйке дачи, у которой дом оказался недостаточно хорош. Людмиле, которая не смогла найти лучшего места для встречи Нового года и не удержала мальчика около себя. Егору, который почему-то немедленно занял его место. Отомстить за то, что все они живы, а его ребенок – уже нет.

– Поехали, Семен, – мрачно выжал из себя Скоробогатов.

– Слышь, Николаич, может, он попутку поймал? – Семен попробовал вернуть нелепую надежду.

– Не поймал, – скривил губы Скоробогатов. – Не поймал! Это они, они все виноваты, все! Все!

– Николаич, ты это... погоди. Не горячись. Еще ж ничего не ясно. Я сам с детишками поговорю.

– Не смей соваться не в свое дело! – взорвался Скоробогатов. Обычно он не кричал на Семена.

Семен опустил голову. Не обиделся, нет. Впрочем, Скоробогатову было все равно. Ему надо было вылить свою боль, пока она не схватила за горло, пока не задушила его совсем. Все что угодно, только не думать о том, чего нельзя вернуть!

Колючий взгляд прищуренных глаз Семена на минуту стал ласковым.

- Надо бы котел протопить, - вздохнула Юлькина мама.

Ребята расслабились и перестали замечать ее присутствие. За столом шел оживленный разговор о «Мастере и Маргарите», который показали перед самым Новым годом. Берендей помалкивал. Он вообще не любил говорить, когда его не спрашивали напрямую.

Юлькина мама поднялась и собралась одеваться.

- Антонина Алексеевна, - тихо окликнул ее Берендей.

- Что?

- Сидите, я сам.

Юлька почти ничего не сказала за все затянувшееся чаепитие. Берендей физически ощущал напряжение, которое от нее исходит, и больше не мог его выносить. Ему требовалось что-нибудь сделать. Он пробовал обратиться к ней, но каждый раз натыкался на ее равнодушное и несчастное лицо. Ему все время хотелось спросить, чем он ее обидел, но он так и не решился.

Юлькина мама благодарно ему улыбнулась, и Берендей вылез из своего угла, боясь дотронуться до Юльки, но она так старательно отстранялась, что ему это удалось без труда.

- Ты знаешь, где дрова? - спросила Антонина Алексеевна, когда Берендей подошел к двери.

Он кивнул и вышел на заднее крыльцо.

За забором, над белым полем, поднимался лес. Его лес. Он был черен и страшен, как будто излучал ненависть. Никогда еще лес не казался Берендею страшным.

Отец всегда называл медведя его настоящим именем. Он говорил, что берендей не может бояться бера. А медведь – это не имя, это тот, кто ведает медом, из страха перед бером придуманное название.

– Никогда не оборачивайся зимой, – говаривал отец. Он часто начинал свои мысли со слова «никогда». И каждый раз оказывалось, что из этого «никогда» есть исключения.

– Совсем никогда? – неизменно спрашивал Берендей.

– Только в крайности, – отвечал отец, – только спасая свою жизнь. Или когда собираешься умирать. Или когда ждешь потомства и охраняешь берлогу медведицы.

– А почему нельзя оборачиваться зимой? – спрашивал Берендей.

Вот на этот вопрос по мере взросления сына отец каждый раз отвечал по-разному.

В раннем детстве он говорил, что зимой тебя покидают боги-покровители и ты остаешься без их защиты. Потом он говорил, что голод сведет тебя с ума и ты потеряешь человеческую сущность. А года через два добавил, что берендей, обернувшийся зимой, в большинстве случаев становится людоедом и плохо кончает.

Берендей никогда не оборачивался зимой. Во всяком случае, этот запрет настолько слился с его сущностью, что он даже в мыслях не мог себе представить, как он это сделает.

– Уважай себя, уважай других, и тогда они тоже будут тебя уважать, – говорил отец.

И Берендей до вчерашнего дня уважал и себя, и других. А теперь все сломалось. Он смотрел на заснеженный лес и тосковал об отце. Отец всегда знал, что делать. Берендей ни разу не видел, чтобы тот растерялся. Удивился – да, отец до конца своей длинной жизни не переставал удивляться. Но он ничего не боялся и быстро принимал решения.

– Берендей должен в совершенстве владеть своим телом, – говорил отец, – как беровым, так и человеческим. Бер не жилец, если он не владеет своим телом. Он слишком грузен, особенно осенью, и поэтому уязвим.

И Берендей учился в совершенстве владеть своим телом. В школе он никогда не дрался со своими сверстниками, но почему-то все знали, что он их сильнее. И в армии, которая для большинства становится адом, у него не было проблем. Его уважали. Он никого никогда не боялся. Во всяком случае, никто никогда не видел его страха. Отец учил его скрывать свои чувства.

– Никто не должен видеть, что ты боишься. Никто не должен видеть, что ты устал. Никто не должен видеть, что тебе больно.

И Берендей никогда не видел, что отцу страшно, или больно, или тяжело. И сам научился владеть лицом в трудную минуту. Конечно, не так, как отец.

Когда Берендею было лет пять, он с забора прыгнул на гвоздь и насквозь проткнул ногу. Он уже знал, что мужчины не плачут. Но ему было так страшно и больно, что слезы сами полились из глаз. Отец подбежал к нему и хотел обнять, но отдернул руки, как будто опомнился. И сказал:

– Зубы стисни, кулаки сожми и вдохни поглубже. Ну?

Берендей так любил отца, что не смел его послушаться: для него это было чем-то вроде святотатства. И слезы высохли сами собой. Тогда он в первый раз понял, как приятно преодолеть себя. И когда отец выдергивал гвоздь из его ступни, он даже не вскрикнул. Потому что ему очень хотелось и дальше быть сильным и уважать себя. Отец обнял его и прижал к себе только после того, как наложил повязку.

– Эх, сына, как же я испугался... – шепнул он ему на ухо. – Когда прыгаешь, посматривай вниз, хорошо?

А сейчас все изменилось: он не мог противиться страху. Зверь в нем бил тревогу – стоило взглянуть на черный лес за белым полем.

Берендей еще раз взглянул на лес, ставший его врагом. И страхом. И позором. А потом набрал из поленницы дров и вернулся в дом.

И услышал вполне бодрый Юлькин голос:

– Может, кот и ненастоящий, но это же не Спилберг с его юрским периодом. Это как в театре!

Ага, ее-таки втянули в спор о «Мастере и Маргарите». И почему это случилось тогда, когда Берендей вышел за дверь?

Он положил дрова на пол, присел на корточки и начал неспешно заполнять поленьями топку.

Дрова вспыхнули бездымно, с одной спички, и через пять минут пылали ярким пламенем. Берендей не стал закрывать дверцу – он любил смотреть на огонь. Слушал Юлькин голос и жалел о том, что не сидит сейчас рядом с ней.

Но их спор постепенно увлек его. Он любил «Мастера и Маргариту» с детства. Он сам решал, что ему читать, и отец не вмешивался, когда Берендей тащил домой книги из школьной библиотеки. Но библиотека, собранная отцом и его предками, была намного богаче, и вот из нее отец сам доставал книги и давал Берендею, в той последовательности и в том возрасте, который считал подходящим. «Мастера» он подсунул ему лет в тринадцать.

– Бать, скажи, а ты когда-нибудь любил женщину? – робко спросил Берендей, прочитав «Мастера» в четвертый раз. Это случилось примерно через три года.

– А почему нет? – хитро прищурился отец, но развивать тему не стал.

Студенты спорили горячо и умными словами. Вежливый Виталик даже попытался втянуть в разговор Берендея, но стоило Берендею открыть рот, как к нему тут же сунулся Андрей.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что читал «Мастера»?

Берендей растерянно глянул на Юльку. Он бы ни за что не обратил внимания на слова глупого мальчишки, если бы ее не было рядом.

– Мне не нравится твой вопрос, – он сузил глаза и посмотрел на Андрея так, как бер смотрит на соперника.

– Да? И что же я такого сказал? Я только спросил, читал ли ты книгу, – усмехнулся Андрей.

– Нет, ты сказал совсем не это. Тебе объяснить, что ты сказал? – Берендей приподнялся, ему было неудобно говорить, сидя на полу. – Или ты и сам догадаешься?

– Андрюха, ты неправ! – констатировала Людмила. Она откровенно скучала до тех пор, пока речь шла о Булгакове, но едва начал прорисовываться конфликт, сразу наострила уши. Да и Наташа напряглась. А Юлькина мама старалась не мешать, только качала головой.

– Я сказал то, что сказал, – гордо ответил Андрей, – и не понимаю, почему не могу говорить того, что думаю.

– Лучше бы ты думал, что говоришь, – рыкнул Берендей.

Ну почему Юлька так старательно прячет глаза? Неужели ей безразлично? Неужели он совсем ее не интересуется? Когда ему показалось, что между ними протянулась ниточка, он испугался. Но стоило этой ниточке разорваться, и он пришел в отчаянье. За столом сидят ее старые друзья, и Андрей – тоже ее старый друг. Почему она должна вставать на сторону случайного знакомого? Он всего лишь случайный знакомый. Не более.

– Ты просто ничего не можешь противопоставить моим словам, поэтому тебя это злит, – Андрей поднял голову.

– Повтори, пожалуйста, слова, которым я должен что-то противопоставить. А то я не разобрался, – Берендей хмыкнул. – Умею ли я читать? Да, умею. Что-нибудь еще?

– Уметь читать – это очень мало, – Андрей сделал умное лицо.

– Мне этого достаточно, – Берендей кивнул, отвернулся и сел обратно на пол, давая понять, что вопрос исчерпан.

– Каждому свое, – усмехнулся Андрей многозначительно. – Кто-то умеет читать, кто-то писать. А кто-то и то и другое вместе.

Ему явно хотелось продолжения. Берендей решил проигнорировать. И тут в разговор вступила Юлька:

– Что ты лезешь к нему? Ты что, не понимаешь, что обижаешь человека? Держи при себе свой идиотский снобизм!

В ее голосе было столько отчаянья, что Берендей на секунду поверил в то, что не является для нее случайным знакомым. Но все равно было противно, что ей приходится его защищать. И если Андрей сейчас что-нибудь Юльке ответит, Берендей точно выйдет из себя.

– А тебе-то что? – мирно пожал плечами Андрей. – Мы просто разговариваем.

Юлька покраснела и отвернулась к стене.

– Мне – ничего, – тихо ответила она.

Зачем ей ссориться с друзьями из-за случайного знакомого? Берендей снова отвернулся к огню.

Юлькина мама присела рядом с ним на низкую скамеечку.

– Не доверяете? – усмехнулся Берендей.

– Продолжай-продолжай, – усмехнулась она в ответ, и он почувствовал себя медвежонком. – Не сердись на него, он глупый мальчишка и не хочет видеть того, что бросается в глаза.

– А что должно броситься ему в глаза?

– Я люблю огонь, – вздохнула она, не ответив на его вопрос. – Конечно, котел не печка, но тоже ничего. Жарко горит. Я однажды сковородку положила прокаливаться, так она у меня вытекла оттуда.

– Алюминиевая? – спросил Берендей.

Она кивнула и тихонько засмеялась. Берендей подумал, что она очень похожа на Юльку. Или Юлька на нее. Они обе легко смеялись над собой. А умение смеяться над собой он приписывал только сильным и уверенным в себе людям. Наверное, потому что сам над собой смеяться не умел. Вот его отец легко над собой смеялся.

– Ты не знаешь, что с Юлькой сегодня такое? Какая-то колючая и несчастная.

Берендей пожал плечами. Он и сам хотел знать, что с ней такое сегодня.

– Это хорошо, что ты был с ними в Новый год.

Он удивленно поднял брови.

– Они же дети совсем. А ты уже взрослый парень. Не представляю, что бы они тут без тебя натворили.

– Да нет, все было хорошо. Я только котел топил. Ну, насос еще поправил, там смазка застыла.

На веранде громко хлопнула входная дверь. Под шумный разговор студентов никто не услышал, как к дому подъехала машина. Берендей напрягся, но не пошевелился, а вот Антонина Алексеевна поднялась, и ему тоже пришлось встать, чтобы оказаться между ею и дверью. Мало ли что можно ожидать от бандита-депутата?

Дверь кухни распахнулась на всю ширину и ударилась о лестницу на веранде. Их было трое. Первым зашел человек, в котором сразу угадывался большой босс. Он был очень высоким и толстым, поэтому спина его горделиво перегибалась назад,

и получалось, что он смотрит на окружающих сверху вниз. На толстой шее сидела маленькая голова с плотно прижатыми ушами, как это бывает у боксеров. Нос был свернут на сторону и расплющен. Только глаза – большие и яркие, под черными бровями – делали его безобразное лицо необычным и по-своему притягательным.

Следом за ним вошел и остановился у порога седой усатый тип, полная противоположность своему большому боссу: ростом с Берендея, легкий, подтянутый, несмотря на далеко не юный возраст – около пятидесяти, а может, и больше. У него были маленькие и пронизательные глаза, и взгляд из-под прищура резал пространство, как луч оптического прицела. Берендею показалось, что этот взгляд царапнул ему лицо. Только на большого босса эти царапающие глаза смотрели ласково и снисходительно – так мать смотрит на расшалившееся дитя.

А позади маячила фигура с бочкообразной грудью и увесистыми кулаками, готовыми к бою.

Большой босс зашел гордо, как к себе домой, и не поздоровался.

– Кто здесь Людмила? – спросил он и оглядел присутствующих. Прозвучало это так, будто он хотел добавить: «Дайте ее мне, я порву ее на куски».

Людмила изрядно перетрусилась и тихо сказала:

– Это я.

– Где Иван?

– Иван уехал еще в Новый год, – промямлила она.

– Куда он уехал? Почему он уехал?

– Я не знаю, куда он уехал, – Людмила наконец взяла себя в руки, развернула плечи и гордо подняла голову, – ему здесь не понравилось.

– Сюда он приехал с тобой? – продолжал допрашивать большой босс.

- Да, это я его пригласила.

- Как? - вдруг воскликнула Юлька и приподнялась с места. - Разве...

И тут же покраснела и закрыла лицо ладонями.

- Если он приехал с тобой, почему ты отпустила его отсюда одного? - отчаянно выкрикнул босс, и лицо его налилось кровью.

- Он что, ребенок малый, что ли? - фыркнула Людмила.

Судя по тому, как сжались кулаки большого босса, он готов был немедленно пустить их в ход, и Берендей подумал, что сейчас самое время вмешаться. Этот тип был одержим какой-то непонятной мыслью. Может, он думает, что его сына тут на чердаке прячут?

- Уважаемый, - Берендей слегка тронул его за плечо, - вам не кажется, что вы ведете себя несколько невежливо?

Большой босс резко обернулся и впился в Берендея ненавидящим взглядом красных, воспаленных глаз. Да, пожалуй, с «уважаемым» он перебрал... Усатый полоснул пространство своим режущим взглядом, на миг задержав его на лице Берендея, - ему не понравилось, что с его хозяином говорят неподобающим тоном.

- Да мне плевать на приличия! - загрохотал босс и сделал шаг в сторону Берендея.

- А мне - нет, - Берендей растянул губы в улыбке.

- Кто это такой? - большой босс повернулся к Людмиле и уперся пальцем Берендею в грудь.

- Это Егор, - пожав плечами, ответила Людмила.

Взгляд большого босса потемнел, рука опустилась, и Берендей так и не успел придумать, что делать с его пальцем. От этого раздражение сменилось злостью.

– И откуда здесь взялся Егор? – большой босс обвел присутствующих тяжелым взглядом, как бык на корриде.

«Ну вот, – обреченно подумал Берендей, – все и выяснилось». Он почувствовал невыносимую неловкость. Он старался никогда никого не обманывать и ничего не скрывать именно потому, что ситуация с раскрытием обмана была бы очень болезненной для его самолюбия.

Все промолчали.

– Ну, Людмила, кто позвал Егора?

– Ну уж не я, во всяком случае! – фыркнула та.

Юлька еще сильнее прижала ладошки к лицу и опустила голову на стол. Андрей вопросительно оглядел товарищей и смерил взглядом Берендея, с головы до ног. Остальные переглянулись, но без особого любопытства. Только Антонина Алексеевна сохранила на лице полуулыбку.

Большой босс опять повернулся к Берендею, снова с отвращением приподнял верхнюю губу и взревел, брызнув слюной:

– Ну? Я хочу знать, кто ты такой и как здесь оказался!

Юлькина мама, до этого с любопытством наблюдавшая за происходящим, наверняка заметила, что добром их разговор не кончится, и поспешила Егору на выручку:

– По какому праву вы устроили допрос моим гостям? Вы ведете себя...

Босс не дал ей договорить и выплюнул ей в лицо:

– Не лезьте не в свое дело.

Антонина Алексеевна испугалась. Она именно испугалась, отшатнувшись от большого босса и прикрыв рот тыльной стороной ладони, как будто хотела защититься.

– Не надо, я сам, – шепнул ей Берендей, сделал шаг в сторону, слегка прикрыв ее плечом, и посмотрел в глаза большого босса. – Так что вы спрашивали? Я не очень хорошо расслышал.

Если раньше Берендей имел дело с нервным папашей, у которого пропал сын, то теперь перед ним стоял бандит, нарушивший покой приличного дома. И это окончательно развязало ему руки – с бандитом можно не церемониться.

Большой босс стиснул увесистые кулаки, но пока не решился их использовать. И сделал еще один шаг по направлению к Берендею. Увесистых кулаков Егор не боялся, даже наоборот, ему было бы интересно посмотреть, как при таком пузе можно ими пользоваться. Если большой босс устроит здесь безобразную драку, это будет его окончательным поражением, после этого можно смело выкидывать его вон. Его и сейчас можно попросить уйти, но, право, повод пока мал.

Похоже, босс это понимал. Понимал это и усатый, все более угрожающе глядя на Берендея. Нет, усатый в драку не полезет. Он чувствует себя неловко из-за глупого поведения своего хозяина, и хотел бы вытащить его из этой дурацкой ситуации, которую Берендей делает еще более абсурдной. Интересно, что усатый сможет предпринять, если Берендей продолжит в том же духе?

– Не смей говорить со мной в таком тоне, – прошипел большой босс, нагибаясь к лицу Берендея.

– Да ну? – Берендей сузил глаза и сжал губы. – Не вижу, чем мой тон хуже вашего. И не понимаю, почему должен его поменять.

– Потому что я так сказал! – большой босс снова сорвался на крик.

– Не может быть. Мне даже интересно, что вы сделаете, если я его не поменяю, – Берендей чуть наклонил голову и поднял брови, изображая недоумение и внимание.

Вот теперь большому боссу пора начинать драку. Потому что ему больше ничего не остается. Громче кричать он уже не может, а сказать ему нечего.

Большого босса спас усатый. Похоже, для него и вправду было невыносимо смотреть, как какой-то мальчишка издевается над его хозяином. Босс начал поднимать кулак, но усатый его опередил: молниеносным движением схватил Берендея за запястье, так что тот, обладая отличной реакцией, не успел отдернуть руку.

– Ну, щенок, быстро говори мне, кто ты такой, – прошипел он, стараясь выломать руку назад.

Усатый смотрел Берендею в лицо, и взгляд его резал глаза, как зазубренный клинок. Берендей напряг руку и почувствовал, как давление усилилось. Это было похоже на армрестлинг – кто кого? Он преодолел соблазн ударить усатого левой рукой в челюсть: драки он начинать не хотел. И когда Берендей собрал все силы, намереваясь рывком выдернуть запястье из цепких пальцев усатого, тот сам разжал пальцы – рука с силой ударилась о раскаленную стенку котла. Громко ахнула Юлькина мама, Берендей тряхнул головой и скроил на лице подобие усмешки. Усмешка получилась жалкой – обожгло руку сильно.

– Ну? – спросил он, стараясь, чтобы голос прозвучал непринужденно.

Усатый продолжал смотреть ему в лицо своими пронзительными глазами. И Берендей понял, что вовсе не победил. Что его поведение – мальчишество и бравада. И возмутители спокойствия приехали сюда по делу, и это дело гораздо важнее, чем безмятежность этого дома и его собственные гордость и самолюбие. Наверное, усатый выбрал наилучший способ дать это понять – простой и действенный. Во всяком случае, Берендей догадался, что ситуация намного серьезнее, чем ему показалось вначале.

Хамить больше не было ни повода, ни желания.

– Я здесь случайно оказался, – сказал он вполне мирно, – меня никто не приглашал.

Берендей опустил голову и робко глянул на Антонину Алексеевну. Но почему-то не увидел ни гнева, ни даже осуждения в ее глазах. На Юльку он взглянуть

побоялся.

– Ну ни фигя себе, – совершенно нелитературно высказался Андрей. Ему никто не ответил.

– Ты видел Ивана? – прогрохотал большой босс, не оценивший жеста доброй воли.

– Нет. Он уехал до того, как я появился. Я слышал, как отъезжала его машина.

Берендей все же глянул на Юльку – она смотрела на него, широко открыв глаза. И он не понял, о чем она думает сейчас, возмущена она, удивлена или восхищена?

Большой босс вдруг размяк, опустился на низкую скамеечку, на которой до него сидела Юлькина мама, и разрыдался. Это было так неожиданно и нелепо, что растерялись все, даже усатый.

– Мы того... – начал усатый, ни к кому конкретно не обращаясь, как будто оправдываясь вместо хозяина, – мы машину его нашли. Здесь недалеко, метров пятьсот... И следы в лес уходят...

Юлькина мама опять ахнула и прикрыла рот рукой.

– Как? – выдохнула Людмила.

– Вот так, – ответил ей усатый. – Я собак хотел... по следу. Но снег кругом.

– Этого не может быть, – вскочил Андрей, – он бы вернулся обратно. Наверное, это вовсе не его машина?

Большой босс всхлипнул и поднял лицо:

– Вот и я говорю – это не его машина. А Семен говорит – его.

- Наверное, надо милицию вызвать, - робко предположил Виталий, но Света дернула его за рукав.

- Не надо, - босс размазал слезы по лицу. - Семен сам себе милиция.

- Слышь, Николаич, не раскисай, - попросил усатый, беспокойно оглядывая присутствующих.

- Дать ему воды? - спросила Юлькина мама. Усатый кивнул.

Людмила вскочила с места, обойдя Юльку, и подлетела к большому боссу, присела рядом с ним на корточки и положила руку ему на плечо. Как ни странно, Берендею захотелось сделать то же самое. Он скрипнул зубами и опустил голову. Он был уверен, что перед ним нервный папаша, который не умеет держать себя в руках. Он не предполагал, что перед ним человек, убитый горем, которому требуется это горе заглушить любой ценой. Пожалуй, напрасно он не вспомнил, что кроме себя, надо уважать еще и других.

Он виновато глянул на Юльку, но она смотрела на него все так же, не отрывая глаз.

Берендей не выдержал неловкости и тронул Семена за плечо:

- Может, стоит пойти поискать? - спросил он вполголоса.

- Там снегу по пояс, замело все, никаких следов не видно. Уж если собачки мои след не взяли... Надо бригаду собирать, на лыжах. Иначе ничего не найдем.

- Я егерь, хорошо знаю лес. Может, подскажу чего. Что стоять-то без толку?

- Пошли, - неожиданно согласился Семен и шагнул через порог на веранду.

Берендей вышел вслед за ним, натянул сапоги и накинул ватник. Обожженная рука болела невыносимо, просунуть руку в рукав оказалось тяжелей, чем он думал.

- Ты это... - Семен тронул его за плечо, - ты извини.

- Да ладно, - пожал плечами Берендей, - может, так оно и надо было.

- А чё ты Николаичу хамил? Не мог с ним спокойно?

Они направлялись к выходу, подхватив по дороге истукана с бочкообразной грудью, когда на веранду выскочила Юлька.

- Можно я пойду с вами? - спросила она, словно запыхавшись.

Берендей от неожиданности опешил. Она спрашивала разрешения у него, а не у Семена, и Семен это понял.

- Может, не надо? - усатый скептически осмотрел Юльку, и Берендею не понравилось, как он смотрит.

Юлька подарила Семену взгляд, полный ненависти, и снова вопросительно посмотрела на Берендея.

Ему очень хотелось, чтобы Юлька пошла с ними. Он понимал, что ей там делать нечего, но ему так этого хотелось! За сегодняшний день это были первые ее слова, обращенные к нему. Так неужели придется снова ее оттолкнуть?

- Одевайся, - сказал он коротко и вышел на крыльцо.

Семен покачал головой, но не возразил.

Небо прояснилось, и над горизонтом повисло унылое зимнее солнце, проглядывающее сквозь мутную дымку перистых облаков. Берендей огляделся и не почувствовал страха. Он сгреб немного снега с перил крыльца и приложил к ожогу - стало легче.

Мимо прошел Семен, направляясь к джипу, и ему навстречу тут же выскочили две шавки, которые от счастья повизгивали и припадали на передние лапы. Семен, ласково улыбаясь, потрепал их холки.

«Да, знатные ищейки», – подумал Берендей. Не хотелось огорчать Семена, но они никогда не будут ходить по следу. Можно научить собаку брать след, но нет способов улучшить ее нюх. И у этих собак нюха быть не могло, для Берендея это было очевидно. Впрочем, он тоже с удовольствием потрепал их гладкую, лоснящуюся шерсть.

– Красавицы? – спросил Семен.

– Хорошие девчонки, – согласился Берендей.

– Нюх – во! – Семен показал большой палец.

Берендей вежливо кивнул, пряча улыбку.

Юлька сбежала с крыльца, огляделась и, натолкнувшись на взгляд Берендея, зарделась и потупилась.

– Пешком пойдем или поедем? – спросил Семен.

– Если метров пятьсот, то пойдем. Дальше мотор греть будем, – ответил Берендей.

– Эт точно, – согласился Семен, свистнул собак и пошел к воротам. Вслед за ним направился молчаливый истукан, как будто Семен свистел и ему тоже.

Берендей шагал рядом с Юлькой и ощущал ее напряжение и поэтому тоже чувствовал скованность и неловкость. И боялся хоть что-нибудь сказать. Она молчала, он мучительно искал слова, с которых можно было бы начать разговор, и не находил. Они вышли на дорогу, по которой вчера возвращались в дом после того, как часа два бродили по зимнему поселку. Почему вчера все было так хорошо, а сегодня так неуютно и непонятно?

Юлька поскользнулась, едва шагнув в обледеневшую колею. Он поддержал ее под локоть, как и вчера. Но на этот раз не стал отдергивать руку.

– Я лучше поведу тебя под руку, – он улыбнулся и заглянул ей в лицо, – а то рано или поздно ты упадешь.

Юлька кивнула и тоже робко улыбнулась в ответ. Но это было не то, совсем не то! И все же... Они прошли эти пятьсот метров молча. Теперь Берендей не пытался придумать слов для начала разговора: ему было хорошо идти с ней рядом, и он хотел, чтобы цель их пути оказалась как можно дальше. Но она оказалась гораздо ближе, чем он ожидал: сразу после развилки на дороге.

Как только они свернули, Семен показал на сползшую в кювет машину, уже очищенную от снега. Берендей подошел ближе, оставив Юльку стоять на дороге: машина накренилась на левый бок, а на правой дверце красовалась глубокая вмятина с ободранной вокруг нее краской. Берендей попробовал открыть правую дверцу, но ее заклинило. Левая дверь оставалась приоткрытой и завязла в снегу. Они с Семеном обошли машину слева, и в эту минуту Берендей почувствовал запах бера. И одновременно с ним – страх. Он не мог его ни с чем перепутать: этот запах был знаком ему лучше всех остальных. Но бер не может вызвать страха у берендея! Это закон природы! Так у собаки не может вызвать страх запах зайца.

Берендей отшатнулся и принюхался: сомнений быть не могло. Он снова обошел машину справа и внимательно осмотрел вмятину на дверце. Если это бер, то это огромный бер. И глубокие царапины вокруг вмятины, без сомнения, были следами медвежьих когтей. Огромных когтей. Сантиметров десять длиной.

Берендей жестом подозвал Семена и указал на вмятину:

– Это медведь.

Семен посмотрел на него, как на сумасшедшего.

– Да, я знаю, что здесь нет медведей. Лучше всех остальных знаю, – недовольно проворчал Берендей. – Но это медведь. Посмотрите на следы, – он провел пальцам по глубоко процарапанному металлу, – это когти. Это огромный медведь. Я никогда таких не видел. Он одним ударом сбил машину в кювет. Сколько весит семерка?

Семен пожал плечами:

– Под тонну, не меньше.

– Представляете, какой силы должен быть удар? Конечно, дорога скользкая, но ведь удар он нанес сбоку. Если бы он ударил сзади, все понятно. Но сбоку...

– Откуда? Откуда здесь взяться медведю?

– Не знаю! – почти выкрикнул Берендей. – Здесь их никогда не было. И медведя такого размера здесь вообще быть не может! Разве что с Аляски на вертолете американские шпионы привезли. И вообще, медведи не нападают на людей. Это редчайшие случаи. Пойдемте посмотрим следы.

Собаки жались к ногам Семена и поскуливали.

– Вот почему ваши ищейки следа не взяли, – сказал Берендей Семену, – они боятся медведя.

– Мои девочки ничего не боятся, – хотел обидеться Семен.

– Они ничего не боятся, если им надо защитить хозяина. А в другой ситуации они действуют инстинктивно. Медведь одним ударом убьет их обеих.

Это объяснение успокоило Семена. Берендей перелез через глубокую канаву, где снега и вправду было по пояс.

– Стойте на месте! – крикнул он Семену, который хотел пойти вслед за ним, но немного правее.

– Что такое? – не понял Семен.

– Вы не видите? След! Его засыпало, но еще видно. Очень глубокий след. Идите там же, где я.

Семен подобрался к нему поближе.

– Смотрите, – показал Берендей, – человек выбрался из машины. Вот его следы. Он прямо дорогу здесь пропахал. А вон там, еще правее, прошел медведь. Пойдем дальше, в лесу снега меньше, может быть, будет лучше видно. И... У

кого-нибудь есть оружие?

- Вован? - повернулся к истукану Семен.

Вован молча и с достоинством кивнул, направляясь за своим командиром.

Вот тут-то Берендей искренне пожалел о том, что взял с собой Юльку, которая одиноко стояла на дороге и расслышала не все, о чем они говорили.

- Юль, - позвал он.

Она встрепенулась.

- Ты сможешь идти с нами по лесу, или тебя отвести домой?

- Смогу! - она обрадовалась. Напряжение между ними исчезло.

Берендей вернулся к канаве и помог ей перебраться к лесу.

- Егор, это что, правда медведь? - спросила она тихо.

- Правда, - кивнул Берендей.

- Мы же здесь вчера проходили. Всего-то ничего не дошли... Он мог и вчера быть здесь?

Берендею передернуло плечи.

- Мог, - коротко и зло ответил он.

- Слушай, и что бы мы сделали, если бы его встретили? - похоже, она не осознавала всей серьезности ситуации. И Берендею это понравилось. Он боялся, а она - нет.

- Ну, я бы геройски погиб, защищая тебя. А тебя бы он съел... - рассмеялся он. И на этот раз Юлька рассмеялась вместе с ним.

Они пролезли сквозь густой кустарник и оказались в лесу. Там снега действительно было меньше: по колена, не выше. И следы на самом деле были видны отчетливей – их не так сильно присыпало снегом.

– А человек может убежать от медведя? – спросил Семен.

– Нет, – ответил Берендей мрачно.

– Точно?

– По снегу медведь бежит значительно хуже, но и человеку по снегу бежать нелегко. Смотрите: вот следы человека, медведь бежит не прямо за ним, а чуть в стороне. Я думаю, он его обгоняет.

Берендей подошел поближе к следам медведя. Они уходили глубоко в снег, и сверху их сильно запылило. Но он смог определить ширину лапы: около тридцати сантиметров. Берендей подозвал Семена и молча указал ему на хороший отпечаток. Семен присвистнул: похоже, он перестал сомневаться в том, что это настоящий медведь.

Они прошли вперед еще метров сто. Берендею было привычно ходить по заснеженному лесу, остальные же порядком устали.

– Быстро вы выдохлись, – усмехнулся он, ни к кому конкретно не обращаясь. – Смотрите. Вот здесь медведь остановился. Он переминался с ноги на ногу. Он ждал. А вот следы человека. Он увидел медведя, который его караулил, и свернул в сторону.

Берендей прошел еще несколько шагов – ему нередко случалось ходить по следам, и он всегда считал это занятие увлекательным, вроде чтения детектива. Но никогда еще ему не приходилось идти по следу убитого человека. Человека, убитого зверем.

– А здесь медведь его настиг... – почти шепотом сказал он, только сейчас до конца осознав, что это означает.

Он осторожно разгреб руками снег и уловил еле слышный запах крови, а потом и увидел красные пятна, пропитавшие снег. Кровь не побурела в снегу, и от этого стало особенно страшно. Семен остановился над ним, ни слова не говоря; потом подошли Вован и Юлька.

- Он... Медведь убил его? - спросила Юлька, запинаясь.

Никто ей не ответил. Берендей представил себе снежную ночь и человека, в отчаянье бегущего в лес, по глубокому снегу. Он хорошо мог себе это представить, потому что сам в ту же ночь бежал через лес, спасаясь от неведомой опасности. Только он отлично знал лес. И мог долго держать хороший темп. И он был берендеем. А этот несчастный мальчик - нет. Каким ужасом он был охвачен, если успел пробежать эти сто метров? Берендей представил бера, который из темноты поднялся на задние лапы навстречу человеку. Бера, который наверняка был под три метра ростом...

- Пошли дальше, - Берендей поднялся.

- Куда? - не понял Семен.

- Медведь потащил его тело в лес. Посмотрите, это же видно. Возможно, он унес тело не очень далеко. Да и лесок этот, похоже, небольшой.

- Да, - подтвердила Юлька, - метров пятьсот в поперечнике. А дальше вырублено все, там коттеджный поселок строить собираются.

Они двинулись дальше по следу. Юлька не показывала вида, что очень устала: ей было тяжелей других, она проваливалась в снег выше колена. Берендей взял ее за руку, но больше ничем помочь не мог.

Он шел и думал: как же ему самому удалось уйти? И как бер посмел напасть на берендея? Человек не может бегать быстрее медведя, это невозможно. Да, в лесу было много снега, и бер, особенно тяжелый бер, не мог бежать по нему быстро. Но и Берендей не бил рекордов. Единственное, что могло его спасти, так это то, что он петлял, постоянно менял направление. Возможно, он интуитивно чувствовал засады, которые ему устраивал медведь, и обходил их. Бер - не человек, хотя и человек не всегда может поменять привычную, но проигрышную тактику. И бежали они долго. Возможно, бер выдохся, петляя за ним по лесу. По

прямой от того места, где Берендей почувствовал опасность, до Юлькиного поселка было десять километров. А со всеми петлями и бесконечными поворотами – и двенадцать. Да, тяжелый бер мог устать. И пошел искать более легкую добычу? Берендей не слышал погони – он только чувствовал ее, чувствовал дыхание за спиной. Возможно, последние минут десять-двадцать его никто не догонял.

Они шли медленно и долго, пока не оказались на просеке. Нет ничего хуже, чем ходить по просеке: зачастую большие бревна вывозят бульдозером, а мелкие стволы и ветви оставляют на земле. Да и пни здесь еще не раскорчевали. Юлька чуть не плакала, но шла и не жаловалась. Берендей раза два помогал ей перебираться через тонкие висевшие над землей бревна. Он мог бы нести ее, и с удовольствием, но постеснялся.

Следы здесь едва просматривались, снега напало гораздо больше, чем в лесу.

И тут Берендей увидел. Он знал, что должен увидеть, и увидел.

Собаки, шедшие гуськом позади своего хозяина, подняли головы и начали лаять, подвывая, словно волчицы.

– Юль, остановись здесь, – сказал он и положил руку ей на плечо.

Она кивнула. Берендей махнул рукой, указав Семену на шалаш, сложенный из валежника. Но он лишь издали походил на шалаш: подойдя ближе, все увидели, что валежник навален высокой островерхой кучей. Берендей откинул засохшие сосновые ветви.

– Ванька... – тут же прошептал Семен.

Тело лежало лицом вниз, и затылок был размозжен так, что сделал голову похожей на блин. Обе ноги выше колена медведь обглодал до костей.

– Это точно он? – спросил Берендей. Он не часто видел мертвых, но они не вызывали у него приступов тошноты, как у обычных людей: он, как зверь, испытывал небывалую тоску при виде мертвого тела. Так собаки воют, если чувствуют мертвеца. И они выли, подняв морды к небу. Негромко, тягуче и страшно.

Но вид этого тела заставил Берендея содрогнуться. Он был бером, но при этом не понимал, как можно есть человеческую плоть. Его внутренняя гармония дала трещину и рассыпалась на глазах, как стена от взрыва превращается в песок. До этого он всегда разбирался в мотивах зверя, а в этот раз натолкнулся на то, чего постичь не мог. Желудок сжался в комок, и от запаха крови поплыла голова.

- Да. Это его одежда, - Семен нагнулся и дотронулся до заочевшей руки, - и печатка на руке его.

Берендей удивился, как легко Семен прикасается к телу.

- Что смотришь? - раздраженно бросил ему Семен. - Мент я. Повидал такого...

Он перевернул тело лицом вверх. Лицо было съедено, и обглоданный череп блеснул на солнце белыми, ровными зубами.

- Да уж... - Семен качнул головой. - Что я отцу-то его скажу?

- Тело нельзя здесь оставлять, - сказал Берендей, - медведь может вернуться, и вернуться в ближайшее время.

- Напрасно ты девчонку взял, - ответил на это Семен.

Берендей и сам давно это понял. Как только догадался, что это бер.

Он вернулся к Юльке.

- Не ходи туда и не смотри, даже если тебе очень любопытно, - он ласково взял ее за руку, и она кивнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/denisova_ol-ga/berendey

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)